

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

СОЛОМОН КЕЙН И ДРУГИЕ ГЕРОИ

В избранных переводах Марии Семёновой
и Геннадия Корчагина

Шедевры фантастики (Феникс)

Роберт Ирвин Говард

Соломон Кейн и другие герои

«Феникс»

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-31

Говард Р.

Соломон Кейн и другие герои / Р. Говард — «Феникс»,
— (Шедевры фантастики (Феникс))

ISBN 978-5-222-40731-8

Соломон Кейн, «Бич Божий», занимает достойное место в плеяде эпических героев, созданных гением «отца фэнтези» Роберта Ирвина Говарда. Пуританин, блестяще владеющий шпагой и посвятивший жизнь бескончаемым битвам с силами зла, – один из самых оригинальных и незабываемых фантастических героев XX века. Аккомпанируют ему на страницах сборника другие выдающиеся герои Говарда – правитель Атлантиды Кулл, вождь пиктов Бран Мак Морн, искатель приключений Кирован и другие.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-31

ISBN 978-5-222-40731-8

© Говард Р.
© Феникс

Содержание

Череп среди звезд	6
I	8
II	12
Багровые тени	16
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	25
Глава 5	32
Перестук костей	38
Луна черепов	44
Глава 1	45
Глава 2	50
Глава 3	57
Глава 4	63
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

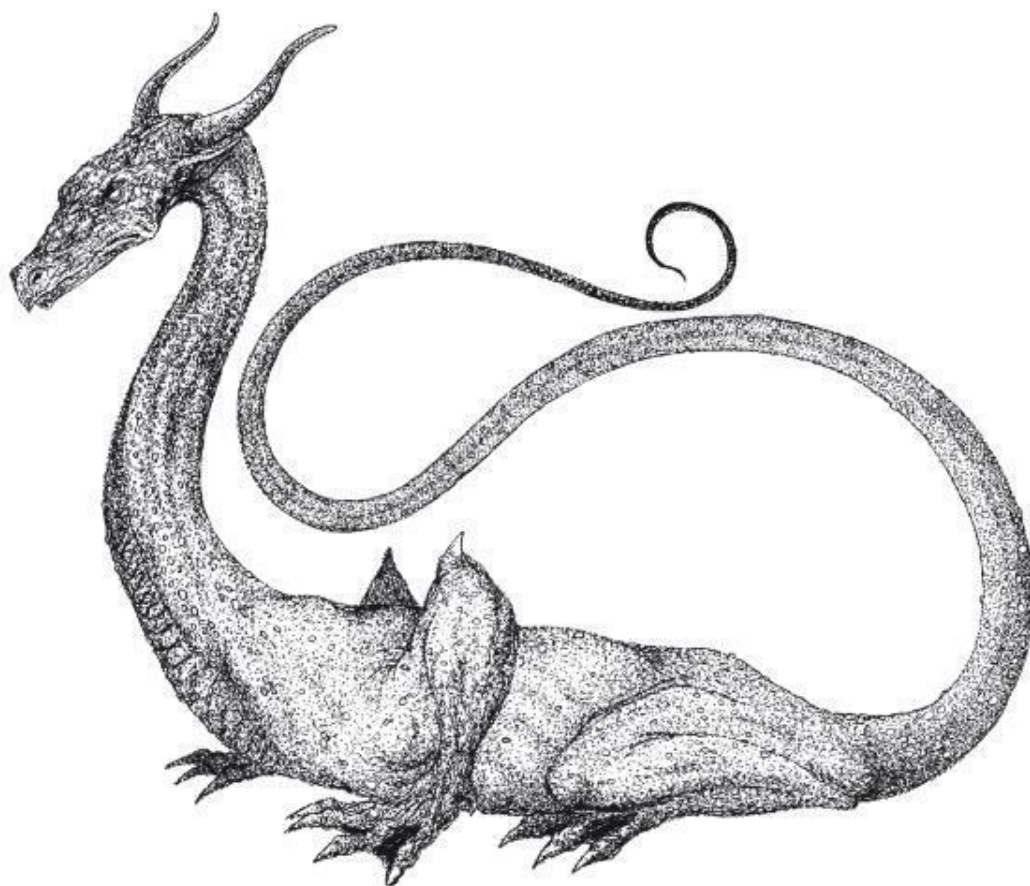
Роберт Ирвин Говард Соломон Кейн и другие герои

© Оформление: ООО «Феникс», 2021

© Перевод М. Семеновой, Г. Корчагина

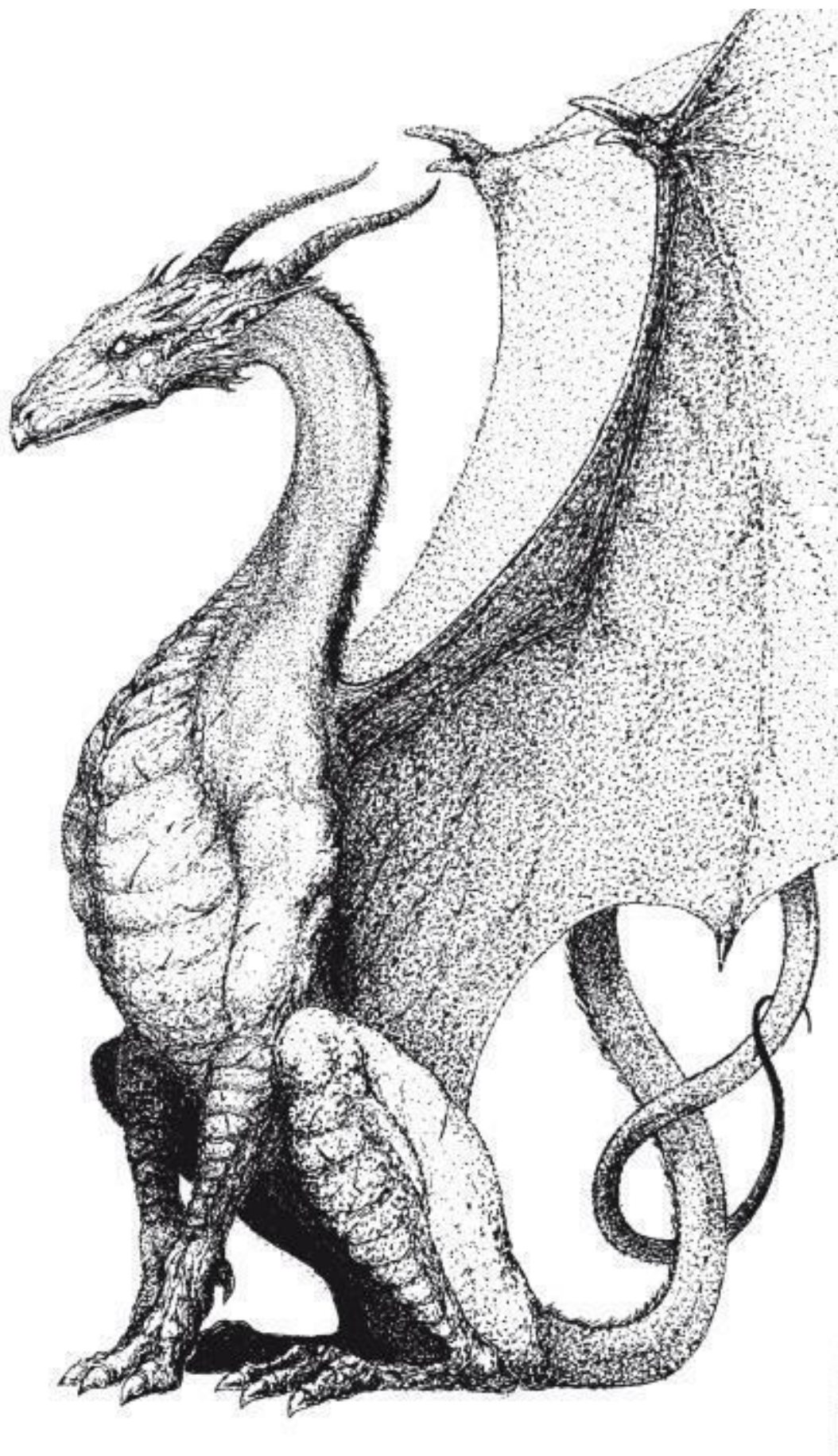
© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Череп среди звезд

*Убийцы ходят по земле.
Их по глазам легко узнать.
Их взор в багровой тонет мгле,
И пламя мозг грозит пожрать.
И кажется, что на челе
Лежит кровавая печать.*

Томас Гуд

I

В Торкертане вели две дороги.

Одна, более короткая и прямая, тянулась через безлюдную верховую пустошь. Вторая, окольная и гораздо более длинная, петляла среди лесистых островков и непролазных трясин болотного края, огибая холмы с востока. Эта дорога была непроста и считалась опасной. Поэтому Соломон Кейн испытал вполне понятное изумление, когда из деревни, которую он только что покинул, стремглав примчался запыхавшийся подросток и, догнав путешественника, принялся заклинять его именем Господним, умоляя предпочесть дорогу через болота.

Кейн недоуменно уставился на мальчишку:

– Через болота?..

Соломон был высок ростом, жилист и худ. Бледное угрюмое лицо и глубокие не улыбающиеся глаза как нельзя лучше соответствовали скромному и суровому костюму пуританина, который он обычно носил.

– Да-да, сэр. Она гораздо спокойней... – ответил юнец на его удивленный вопрос.

– Стало быть, – сказал Кейн, – там, на пустоши, появился сам сатана. Не твои ли односельчане с жаром предостерегали меня против болот?

– Верно, сэр, там полно трясин, которые недолго и проглядеть в темноте. Право же, сэр, вернулись бы вы лучше назад, переночевали, а наутро с богом и пуститесь дальше!

– По болотной дороге?

– Точно, сэр. По ней самой.

Кейн пожал плечами и покачал головой:

– Не успеет как следует стемнеть, когда выйдет луна. А там, если по пустоши, через несколько часиков и Торкертан.

– Не ходите туда, сэр, пожалуйста, не ходите! – не сдавался мальчишка. – Незачем соваться туда доброму христианину. Там и жилья-то нет, на той проклятой дороге. А на болоте хоть старый Эзра живет. Он там совсем один живет, с тех самых пор, как его полоумный кузен Гидеон удрал из дому и сгинул в болотах. Так ведь и не нашли его. Ну а старый Эзра, хотя и скряга порядочный, уж, верно, не откажет вам в ночлеге. Право, сэр, остановитесь у него до утра. И коли уж вам так приспичило идти, ступайте по болотной дороге!

Кейн устремил на мальчика пронизывающий взгляд. Тот переминался с ноги на ногу, чувствуя себя под этим взглядом весьма неуютно.

– Скажи-ка, – спросил его пуританин, – если пустоши настолько опасны для путешественника вроде меня, почему ваши жители предпочли ограничиться полунамеками и сразу не выложили мне все как оно есть, от начала до конца?

– Не сердчайте, сэр, но люди не любят об этом болтать... Наши деревенские посоветовали вам идти болотами и думали, что вы последуете доброму совету, а вы, смотрим, и в мыслях не держите сворачивать на развилке, ну тут уж меня послали живой ногой за вами, чтобы уговорил вас передумать...

– Вот дьявольщина! – вырвалось у Кейна, и только знавший о его отвращении к сквернословии мог оценить всю силу владевшего им раздражения. – Болотная дорога или там через пустошь – скажешь ты мне наконец, что мне грозит там, наверху? Чего ради я должен делать длинный крюк, рискуя застрять в топях или вовсе погибнуть?..

– Сэр, – ответил мальчишка, невольно понижая голос и пугливо придвигаясь к нему поближе. – Мы тут все простые неученые крестьяне и стараемся пореже поминать нечисть, чтобы злосчастье на голову себе не накликало. Только дело-то в том, что верховая дорога, как бы это сказать... словом, вроде как проклятие на ней. Никто из местных жителей вот уж год с

лишком носу туда не сует. Сушая погибель ходить там по ночам, и кое-кто неосторожный, сэр, уже и сам в том убедился! Неведомо откуда завелась там жуткая нечисть и утаскивает людей...

– Вот как? И как же выглядит эта тварь?

– Никто не знает, добрый сэр. Из тех, кто видел ее, ни один не вернулся и не расскажет. Но случалось, что припозднившиеся пешеходы слышали издали, из-за топей, ужасающий хохот. А бывало, что долетали и страшные крики жертв... Нет, сэр, именем Творца нашего умоляю вас вернуться в деревню, переждать ночь, а утречком по болотной дорожке и тронетесь в Торкертаун!

Слишком поздно. В глубине угрюмых глаз Соломона Кейна уже замерцал огонек наподобие ведьмина факела, что светит зимой из-под толщи серого льда. Кровь быстрее побежала по его жилам.

Приключение! Смертельный риск, острота переживания, восторг победы!.. Положа руку на сердце, нельзя, впрочем, сказать, чтобы Кейн именно так и оценивал овладевшие им чувства. Наоборот, он приписывал своим поступкам совсем другие мотивы.

И он ответил мальчишке, свято веря, что излагает истинную правду:

– То, о чем ты говоришь, есть деяние какой-то злой силы. Князь Тьмы, видно, наложил заклятие на здешние места. Лишь крепкие духом могут дать бой сатане и присным его, а посему не удерживай меня более: никогда не уступал я ему дорогу, не уступлю и теперь!

– Сэр... – начал было мальчишка, но тут же закрыл рот, поняв тщету уговоров. Он только добавил: – Мы находили трупы жертв, сэр. Они были все разодраны и в синяках...

Так он и остался стоять у развилки, удрученно вздыхая и провожая взглядом жилистого, широкоплечего путешественника, легкой походкой удалявшегося по дороге, ведущей на пустоши...

Солнце уже садилось, когда Кейн взобрался на вершину холма, за которым и начиналось невысокое нагорье – край пустошей и верховых болот. Кроваво-красный диск дневного светила медленно уходил за пустынный, неприветливый горизонт и, казалось, поджигал разросшуюся траву. На какой-то миг путешественнику померещилось, будто целое море крови разлилось у его ног. Потом с востока надвинулись темные тени, и зарево заката начало угасать. Соломон Кейн упрямо шагал вперед, ничуть не смущаясь сгустившейся темнотой.

Чувствовалось, что по дороге давно уже никто не ходил; впрочем, она все еще была хорошо различима. Кейн шел быстро, но осторожно и с оглядкой, держа под рукой и шпагу, и пистолеты. Одна за другой в небе разгорелись звезды, и ночные ветры зашуршали в траве, населяя ее шепотом призраков. Наконец показалась луна. Темные пятна на круглом лике придавали ей сходство с черепом, зловеще повисшим среди звезд.

Неожиданно Кейн остановился и замер на месте. Откуда-то спереди донеслось странное и жутковатое эхо... или по крайней мере нечто похожее на эхо. Потом снова, на сей раз уже громче. Кейн двинулся вперед, спрашивая себя, не обманывает ли его слух. Нет! Спереди, издали, в самом деле долетали раскаты пугающего смеха.

Вот снова, ближе и ближе... Человеческое существо не могло так смеяться. В этом смехе не было ни грана веселья, лишь ненависть, ужас и страх, разъедающий душу. Кейн остановился. Нет, испуга он не испытывал, но в тот миг ему было определено не по себе.

И тут раскаты демонического хохота прорезал ужасающий и, несомненно, человеческий вопль. Кейн устремился вперед, все ускоряя шаг и кляня про себя неверный свет и летучие тени, одевшие пустошь. Луна поднималась все выше, но слишком трудно было с уверенностью что-либо рассмотреть. Хохот между тем продолжался, делаясь все громче, и с ним вопли. Потом, ослабленный расстоянием, донесся топот человека, удирающего со всех ног. Кейн перешел на бег.

Там, впереди, кто-то из последних сил спасался от смерти, и что за ужас гнал за ним по пустошам, ведал один Господь. Вот топот прекратился, зато вопли перешли все мыслимые

пределы. К ним примешивались и другие звуки, которым трудно было бы подобрать название. Душа содрогалась от них. Как видно, человека поймали. У Кейна пошли по телу мурашки. Он весьма живо вообразил себе демона из преисподней, который вскочил на хребет своей жертве... вцепился, терзая и раздирая...

В противоестественной тишине пустошей слуха Соломона уже явственно достигал шум неравной, отчаянной схватки. Потом опять слышались шаги, на сей раз спотыкающиеся, неуверенные. Человек еще кричал, но кровь уже заливала ему горло и хрипло булькала в нем. Кейн покрылся холодным потом. Ужасам не видно было конца, а ведь ночь едва началась!

«Боже, – страстно взмолился он, – ну сделай так, чтобы было хоть немного светлее!»

Судя по отчетливости каждого звука, жуткая драма разыгрывалась буквально в двух шагах от него. Но неверное сияние восходящей луны продолжало играть с ним в прятки. Каждое корявое деревце представляло гигантом, каждый куст – призраком.

Кейн закричал во все горло, отчаянно пытаясь еще прибавить шаг. Вопли гибнувшего сменились тонким отвратительным визгом. Вновь шум борьбы... И тут из зарослей высокой травы навстречу Кейну, качаясь, вывалилось существо, когда-то бывшее человеком. С головы до пят облитое кровью, оно рухнуло к ногам пуританина и стало корчиться, пытаясь ползти. Оно что-то бессвязно хрипело, подняв к луне жутко изуродованное лицо... Потом обмякло и умерло, захлебнувшись собственной кровью.

Вот теперь, когда все миновало, лунный свет наконец вступил в свои права, и сделалось возможно что-то разглядеть. Кейн склонился над телом... оно было до такой степени обезображено, что Соломон содрогнулся. А надо сказать, что довести его до такого состояния было непросто, ибо он своими глазами видел в деле и испанскую инквизицию, и ловцов ведьм.

Кем был тот, чье тело лежало у его ног?.. Наверное, поздним прохожим, решил Кейн и тут же ощутил, как по позвоночнику пополз ледяной холод. Он был не один. За ним наблюдали. Кейн вскинул голову и зорко впился взглядом в тени, колебавшиеся там, откуда появился умирающий. Разглядеть ему ничего не удалось, но ощущение было такое, как если бы он на миг заглянул в чьи-то глаза. Жуткие глаза существа, не принадлежавшего этому миру. Выпрямившись, он извлек пистолет и стал ждать. Лунный свет все уверенней разливался по пустошам, возвращая деревьям и травам их истинные размеры.

И наконец Кейн УВИДЕЛ! Сперва ему показалось, что глазам его предстал клок болотного тумана, несомый ветром через поля. Он всмотрелся... Видение?.. Но вот неясная тень начала обретать форму, хотя и расплывчатую. В провалах глазниц загорелся холодный огонь – отблеск ужаса, хранимого памятью поколений чуть не со времен Начальных Эпох, когда страх был постоянным спутником жизни. Безумны были эти глаза, но их безумие далеко превосходило любое помешательство земного существа. Внешний же облик неведомой твари по-прежнему оставался расплывчат; он был почти человеческим, но это «почти» отдавало жуткой пародией и само по себе покушалось на разум всякого видевшего.

И сквозь туманную плоть были отчетливо видны кусты и трава, находившиеся позади.

Кейн почувствовал, как застучала в висках кровь... Самообладания он, однако, не потерял и теперь пытался осмыслить случившееся. Каким образом тварь, сотканная из колеблющегося тумана, могла нанести человеку вполне вещественные повреждения – оставалось превыше его понимания. Но окровавленный ужас, валявшийся у ног, безмолвно свидетельствовал: призрачный демон очень даже запросто расправлялся с материальными объектами.

Пуританин понятия не имел, с кем ему выпало столкнуться и на что еще способен его странный противник. Он был твердо уверен только в одном: Соломон Кейн не станет удирать от нечисти по пустынной дороге, не будет с криком падать, настигаемый и вновь сбиваемый с ног. Может быть, ему придется умереть, ну так что ж! Он умрет, не отступив ни на шаг, и все раны будут у него на груди!

Он увидел, как распахнулась призрачная пасть, исторгнув все тот же хохот. Раздаваясь в двух шагах от него, этот смех потрясал и выворачивал душу. Внимая этому, казалось бы, трубному гласу своего рока, Кейн хладнокровнейшим образом навел длинноствольный пистолет и выстрелил в демона.

Раздался умопомрачительный вопль, в котором ярость и изумление дерзостью человека соседствовали с насмешкой. Тварь бросилась вперед, словно облако летящего дыма. Длинные прозрачные руки протянулись к Кейну, чтобы ухватить его и швырнуть наземь.

Кейн, когда приходила нужда, был способен двигаться с быстротой оголодавшего волка. Он мгновенно разрядил второй пистолет – этот выстрел, как и первый, не произвел на демона особого впечатления, – потом выхватил из ножен длинную рапиру и тотчас всадил ее в прозрачную грудь нападавшего. Клинок свистнул в воздухе и пролетел насквозь, не встретив никакого сопротивления. А в следующий миг ледяные пальцы уже стискивали плоть Кейна, со звериной силой раздирая и одежду, и кожу.

Соломон бросил бесполезный клинок и попробовал схватиться с соперником врукопашную. Но это было все равно что сражаться с туманом, с парящей тенью, притом вооруженной когтями не меньше кинжалов. Яростные удары Кейна проваливались в пустоту. При внешней худобе он обладал железной хваткой – но возможно ли заключить в объятия воздух?.. Существо было нематериально. Все, за исключением обезьяньих пальцев с их кривыми когтями да еще жутких глаз, так и стремившихся выжечь ему душу.

Кейн понял: дело плохо. Одежда его свисала ключьями, на теле кровоточило не меньше двух десятков глубоких ран. Однако решимости у Соломона ничуть не убавилось, и мысль о возможности бегства даже не явилась ему на ум. А если бы и явилась, пуританин, верно, густо покраснел бы от стыда. Чтобы он, Кейн, сошелся с кем-то в единоборстве – да вдруг отступил?..

Он отлично понимал, что гибель близка и вряд ли минуема, что его тело, скорее всего, так и останется лежать рядом с бренными останками первой жертвы... Мысль о смерти не пугала его. Гораздо важнее было достойно постоять за себя, пока еще не наступил конец, и, если возможно, причинить сверхъестественному противнику хоть какой-то ущерб.

Демон и человек сражались друг с другом, стоя над растерзанным трупом, облитые серебряным светом восходящей луны. И на стороне демона были все преимущества, за исключением одного. И это единственное обстоятельство поистине стоило всех остальных. Ибо если ненависть способна придать существу тонкого плана смертоносную материальность, почему бы и мужеству не воплотиться грозным оружием, поражающим призрака?..

Кейн продолжал яростно биться, пуская в ход и руки, и ноги, и кулаки, и в какой-то миг обнаружил, что демон... начал пятиться перед ним, а убийственный хохот сменился криками ярости и смущения.

Мужество – вот истинное оружие мужчины. С ним, не моргнув, сильные духом предстают хоть перед адовыми вратами. И даже легионы сил Тьмы бессильны против него.

Соломон Кейн не отдавал себе в этом отчета. Он только чувствовал, что когти, терзавшие его плоть, стали как будто бы утрачивать прежнюю твердость и остроту, а глаза твари начали разгораться каким-то неведомым светом. Задыхаясь, качаясь от запредельного напряжения, Кейн по-прежнему стремился вперед. И вот наконец ему удалось-таки сграбастать существо. Они вместе рухнули наземь. Демон извивался и бился, и члены его были подобны дымным, выющим змеям.

И тут у Кейна опять побежал по телу мороз, а волосы поднялись дыбом. Потому что в крике и бормотании демона обозначился какой-то смысл. Кейн начал понимать его.

Он слышал и понимал его не так, как один человек слышит и понимает речи себе подобного. Жуткие тайны, слетавшие с призрачных уст, ледяными каплями опадали непосредственно в его разум, и Кейн ЗНАЛ.

II

Домик старого Эзры, именуемого местными жителями скрягой, стоял у дороги в самом сердце болот, и сумрачные деревья, разросшиеся вокруг, наполовину скрывали его от взгляда. Стены дома пожирала гниль, крыша готова была обвалиться. Огромные, скользкие, зелено-белые грибы усеивали ветхое строение. Особенно густо облепили они окна и дверь: казалось, безглазые существа силились заглянуть внутрь. Склонившиеся деревья так переплели серые ветви, что в полумраке дом представлял этаким гномом, над плечом которого скалятся людоеды.

Мимо домика вилась дорога, уводившая в глубь болот, мимо гниющих пней, заросших кочек и кишящих змеями топей. Сколько народу сновало взад и вперед по этой дороге, но лишь немногие видели старого Эзру. Да и то большей частью лишь желтое лицо смутным пятном сквозь заросшее грибами окно...

Поистине, он выглядел плотью от плоти окружавших его топей: весь скрюченный, узловатый и мрачный. Пальцы его казались цепкими корнями растений-паразитов, а нечесанные космы свисали, точно лишайники с веток. Они падали на глаза, привыкшие к вечному сумраку болот. Взгляд его, лишенный живого блеска, напоминал взгляд мертвеца. Но было в нем что-то, заставлявшее вспомнить о бездонных пучинах, таящихся под покровом ряски. О коварных, вызывающих содрогание пучинах...

Вот эти-то глаза ныне созерцали пришельца, стоявшего перед дверью домишки. Незваный гость был высок ростом, худощав и темноволос. На лице его виднелись отметины когтей, а руки и ноги украшали повязки. За спиной его, опасливо держась в отдалении, толпился деревенский народ.

– Ты ли Эзра, живущий на болотной дороге? – спросил человек.

– Ну я, – неласково прозвучало в ответ. – Надо-то что?

– Где твой двоюродный брат Гидеон, тот одержимый юноша, что жил вместе с тобой?

– Гидеон?..

– Да.

– Однажды он ушел на болота и не вернулся, – отвечивал Эзра. – Без сомнения, он заблудился и не нашел тропы назад. Я думаю, его либо растерзали волки, либо засосала трясина, либо укусила гадюка...

– И давно ли это случилось?

– Около года назад...

– Так. А теперь слушай, скупец по имени Эзра. Вскоре после того, как исчез твой кузен, местный житель, возвращавшийся к себе домой через пустошь, подвергся нападению неведомой нечисти и был разорван в мелкие клочья, и с той поры верхняя дорога сделалась смертельно опасной. Сперва местный народ, а после и путешественники, случайно забредавшие в те края... все они пали жертвами таинственной твари. Многие умерли с того дня, и ужасен был их конец. Прошлой ночью побывал на пустошах и я. Я слышал, как убегал очередной несчастный, слышал, как за ним гнались... Это был чужой человек, ничего не знавший про зло, поселившееся на дороге. Уже раненный, дважды вырывался он из бесовских когтей, и дважды чудовище догоняло и вновь хватало его. И наконец он умер прямо у моих ног, умер в таких муках, что зрелище их заставило бы окаменеть и святого...

...Крестьяне переминались, испуганно перешептываясь. Глаза Эзры украдкой перебежали с лица на лицо. Но Соломон Кейн по-прежнему хмуро и не мигая смотрел на него. Это был взгляд большой хищной птицы, и старый Эзра понемногу утрачивал самообладание.

– Да-да! Конечно! – забормотал он торопливо. – Как нехорошо, ах, как нехорошо! Не пойму только, мне-то ты зачем об этом рассказываешь?

– Верно, Эзра, нехорошо и очень печально. А теперь слушай дальше. Страшный демон явился передо мной из теней, и мы бились, бились насмерть над телом растерзанной жертвы. Как мне удалось одержать над ним верх, я и сам не знаю. Долгим и тяжким был наш бой, но Силы добра и света были на моей стороне, и черное зло ада не могло против них выстоять.

Я возобладали над ним, и демон бежал от меня. Я погнался за ним, но не настиг. Однако прежде, нежели удариться в бегство, нечистый дух нашептал мне страшную правду...

Старый Эзра одичало смотрел на него и, казалось, съеживался прямо на глазах.

– Зачем... ты... мне это рассказываешь? – невнятно пробормотал он.

– Я вернулся в деревню и все рассказал людям, – продолжал Соломон Кейн. – Ибо я понял, что мне дарована власть навсегда освободить пустоши от заклятия. Идем с нами, Эзра!

– Куда?.. – выдохнул тот.

– НА ПУСТОШИ, К СГНИВШЕМУ ДУБУ!

Эзра пошатнулся, словно от удара. Потом издал бессвязный вопль и повернулся бежать.

Резким голосом Кейн отдал приказ, и двое крепких мужиков сейчас же поспешили вперед и перехватили беглеца. Вырвав из его иссохшей ладони кинжал, они заломили ему руки – и оба содрогнулись, прикоснувшись к его холодной и липкой, словно у мертвого, коже.

Кейн жестом велел им следовать за собой и двинулся по болотной дороге. Деревенские повалили следом, и те двое, что вели Эзру, с немалым трудом удерживали внешне хилого старика. Все дальше и дальше от домика уходили они, придерживаясь заросшей тропы, что вела с болот на холмы и далее на пустоши.

Солнце уже опускалось за западный край небес, и старый Эзра, тараща выпученные глаза, смотрел на него так, словно не мог наглядеться.

Посреди обширных торфяников высился громадный дуб, чем-то смахивавший на виселицу. У некогда мощного дерева напрочь истлела вся сердцевина ствола, осталась лишь догнивающая пустая оболочка. Здесь Соломон Кейн остановился.

Старый Эзра корчился в руках державших его и невнятно подвывал.

– Год с лишним назад, – сказал Соломон Кейн, – ты, Эзра, убоялся, как бы твой безумный кузен Гидеон не поведал людям о тех жестокостях, которые ты над ним совершал. Ты увел его из дому по той самой тропе, по которой мы только что сюда добрались. И здесь, под покровом ночи, ты убил его...

Эзра съежился еще пуще и зарычал:

– Это ложь!.. У тебя нет доказательств!..

Кейн подозвал к себе проворного юношу из числа деревенских и сказал ему несколько слов. Юноша живо вскарабкался на пустой остов дерева. Там, высоко наверху, он запустил руку в трещину и выгреб оттуда нечто. Он сбросил свою находку вниз, и она со стуком упала к ногам старика. Эзра дико завизжал и обмяк.

На земле лежал скелет человека, и череп был расколот.

– Ты!.. Как ты дознался?.. Ты, верно, сам сатана!.. – бормотал изобличенный убийца.

Кейн сложил на груди руки.

– Тварь, с которой я бился минувшей ночью, сама поведала мне обо всем. Погнавшись же, я следовал за нею до этого самого дерева. ИБО ДЕМОН, УБИВАВШИЙ ЛЮДЕЙ, НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ПРИЗРАК ГИДЕОНА!

Эзра вновь завизжал и остервенело забился.

– Ты знал все, – хмуро проговорил Кейн. – Ты знал, кто совершает все эти непотребства на пустошах. Ты сам до смерти боялся призрака несчастного безумца, и потому-то ты укрыл его тело здесь, на торфянике, вместо того чтобы утопить в бездонном болоте. Ты предвидел, что неупокоенный дух будет витать близ места своей гибели. Гидеон и при жизни-то был слабоумен; где ж ему было смекнуть, как найти тебя и как отомстить! Иначе он уж точно добрался бы до твоей развалюхи!.. Из всех людей он ненавидит только тебя одного, но

беда в том, что его помраченный дух не способен отличить одного человека от другого. Вот он и умерщвляет всех подряд, чтобы ненароком не упустить своего погубителя. Однако стоит ему встретить тебя, и он тебя сразу узнает. И упокоится в мире. Ненависть овеществила его дух, придала ему способность убивать и калечить живую плоть. И, как бы ни боялся он тебя, покуда был жив, теперь этого страха нет и в помине!.. – Кейн помолчал, глядя на солнце. – Все это я узнал от самого Гидеонова духа, – сказал он затем. – Все это он поведал мне – когда криком, когда лепетом, а когда и молчанием хуже всякого крика. И я знаю, что утолить его жажду сможет только твоя смерть.

Люди, в том числе и Эзра, слушали затаив дыхание.

– Тяжко это, – произнес Соломон Кейн, – вот так хладнокровно приговаривать человека к смерти, да еще назначать ему казнь вроде той, что сейчас у меня на уме. Но ты умрешь, Эзра, умрешь, чтобы смогли жить другие. И – Господь свидетель! – ты более чем заслужил смерть. Но ты не должен погибнуть от петли, меча или пули. Ты окончишь свою жизнь в когтях убиенного тобою. Ибо ничто иное не упокоит эту несчастную душу.

При этих словах остатки разума покинули старого Эзру. Колени его подломились, он повалился наземь и принялся валяться у Кейна в ногах, униженно моля о смерти. Он просил сжечь его на костре, содрать кожу с живого. Но лицо пуританина оставалось непроницаемой маской, неподвижной и непоколебимой.

Боязнь, как известно, порождает жестокость. Ухватив пронзительно кричавшего Эзру, крестьяне тут же привязали его к остову дуба, и кто-то посоветовал ему, покуда есть время, примириться с Создателем. Эзра ничего не ответил, лишь кричал и кричал на одной ноте, тонко, невыносимо. Один из крестьян хотел было ударить его по лицу, чтобы прекратить этот вой, но Кейн удержал его руку.

– Пусть его примиряется хоть с сатаной, благо к нему он, скорее всего, и отправится, – хмуро проговорил пуританин. – Солнце вот-вот сядет. Ослабьте его путы – так, чтобы к наступлению темноты он сумел освободиться. Все-таки негоже встречать смерть связанным, словно для жертвоприношения!

Когда они уходили, старый Эзра еще какое-то время издавал бессвязные, нечленораздельные, нелюдские звуки. Потом затих и лишь с ужасающей пристальностью вглядывался в заходящее солнце.

Шагая в толпе крестьян прочь через торфяники, Соломон Кейн бросил один последний взгляд назад, на привязанного к дереву человека. Неверный свет снова шутил шутки на пустоши: Эзра показался Кейну чудовищным грибом, выросшим на гнилом стволе.

В это время приговоренный издал нечеловеческий вопль.

– Смерть! Смерть! – разнеслось далеко окрест. – Черепа!.. Я вижу черепа среди звезд!..

– Всякому дорога жизнь, даже такому заскорузлому, негодному и злему созданию, – вздохнул Кейн. – Будем надеяться, что у Господа нашего и для душ вроде него найдется местечко. Такое, где огненная мука очистила бы их от скверны подобно тому, как огонь очищает древесину от гнилостных грибов. И все-таки тяжело у меня на сердце...

– Да что вы так убиваетесь, сэр, – подал голос один из мужиков. – Вы только волю Божью исполнили. Сегодняшнее наше деяние добрые плоды принесет!

– Если бы знать, – невесело проговорил Кейн. – Если бы знать!..

Солнце село, и темнота сгустилась с удивительной быстротой. Так, словно из неведомых бездн ринулись великанские тени и поспешили окутать этот мир темнотой. Потом из ночной мглы долетело странное эхо, и люди невольно остановились, оглядываясь туда, откуда пришли.

Там ничего не было видно. Непроглядная тень затопила широкие пустоши, лишь рослая трава волновалась на чуть заметном ветру и шептала, нарушая зловещую тишину.

Потом из-за далекого горизонта выплыл багровый диск луны. И на фоне его на какое-то мгновение мелькнул черный, четко очерченный силуэт. Скрюченный, уродливый, он тем не

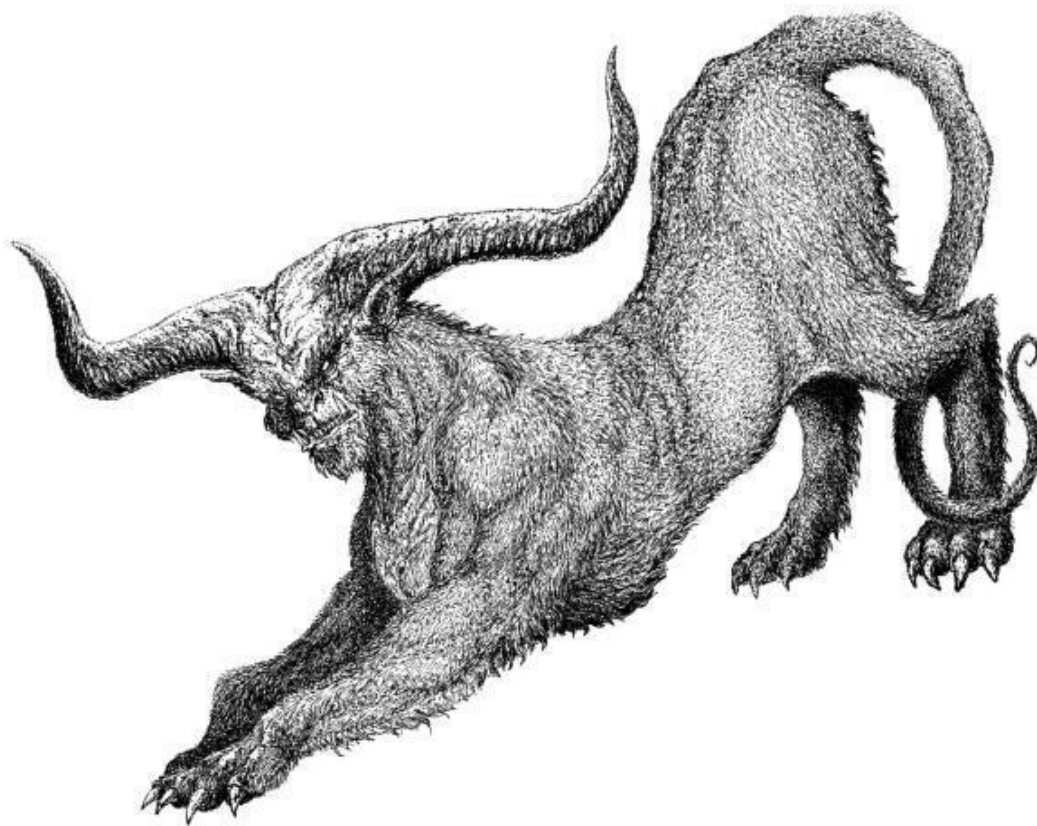
менее промчался, едва касаясь земли. А за ним, быстро настигая, невесомо проплыла скользящая тень – безымянный, бесформенный ужас!..

Секунду они были видны против лика луны, потом слились в жуткий клубок и скрылись среди теней.

Докатившись издалека, над пустошами прозвучал один-единственный взрыв замогильного хохота...

Перевод М. Семеновой

Багровые тени

Глава 1 Приход Соломона

Лунный свет мерцал и переливался, и между окутанными тьмою деревьями плавал обманчивый серебристый туман. В воздухе пахло дымом. Слабый ветерок еле слышно шептал, гуляя по долине. Он словно бы нес с собой некую тень, только эта тень происходила вовсе не от причудливой игры лунного света.

Человек шел широким, размашистым шагом. Он особо не спешил, но и угнаться за ним было бы нелегко. Много миль отшагал он, отправившись в путь еще на рассвете... Нождаанно человек остановился. Слабое шевеление между деревьями бросилось ему в глаза. Он беззвучно отступил в темноту, между тем как рука его опустилась на рукоять длинной, гибкой рапиры.

Настороженно двинулся он в ту сторону, где заметил движение. Он напрягал зрение, всматриваясь в темноту под деревьями. Край здесь был диловатый и небезопасный; то, что таилось впереди, вполне могло нести для неосторожного путешественника смерть. Однако потом человек убрал ладонь с эфеса и наклонился, всматриваясь. Перед ним действительно была смерть. Но не в том облике, который мог бы его напугать.

– Пламя Гадеса!.. – пробормотал он. – Девушка!.. Кто это тебя так, дитя мое? Не бойся, я не причиню тебе зла.

Девушка смотрела на него снизу вверх. Бледное личико в темноте напоминало вянущую белую розу.

– Кто... ты... такой? – с трудом выдохнула она.

– Безземельный скиталец, – прозвучало в ответ. – Друг всем попавшим в беду.

Странно было слышать, как мягко и ласково разговаривает грозный с виду мужчина. Девушка попыталась приподняться на локте. Мужчина немедленно опустился рядом с ней на колени, бережно приподнял беспомощное тело, устроил голову девушки у себя на плече. Он коснулся рукой ее груди, и на ладони остался кровавый след.

– Скажи – кто?..

Он говорил с ней тихо и нежно, точно с испуганным ребенком.

– Ле Лу... Волк! – быстро слабеющим голосом прошептала она. – Он... и его люди... ворвались в нашу деревню... там, в долине, в миле отсюда... Они грабили... убивали и жгли...

– Так вот откуда дым, которым здесь пахнет, – пробормотал странник. – Продолжай, дитя.

– Я пыталась бежать... Он... Волк... он погнался за мной... и поймал... и...

Она умолкла, содрогаясь всем телом, не в силах продолжать.

– Я понимаю, девочка. А потом?

– Потом он... он... пырнул меня... кинжалом... о, во имя всех святых! Пожалейте...

Тоненькое тело мучительно содрогнулось еще раз – и обмякло. Мужчина осторожно опустил девушку наземь и легонько прикоснулся к ее лбу.

– Умерла! – пробормотал он.

И медленно поднялся, машинально вытирая руки о плащ. Угрюмая морщина зловеще прорезала его лоб. Однако он не стал произносить никаких поспешных обетов, не начал сыпать проклятиями, призывая ангелов и чертей.

– Кто-то поплатится за это жизнью! – вот и все, что он сказал, и голос его был холоден и совершенно спокоен.

Глава 2

Логово волка

– Ты глупец!..

В голосе, скорее похожем на рычание, звучала такая ледяная ярость, что у того, кто навлек ее на себя, кровь застыла в жилах. Названный глупцом ничего не ответил, только опустил глаза и мрачно уставился в пол.

– И ты, и все остальные, кто у меня под началом!..

Говоривший наклонился вперед и для вящей убедительности пристукнул кулаком по грубо сколоченному столу, стоявшему между ними. Это был рослый, поджарый мужчина, наделенный силой и гибкостью леопарда. Лицо у него было худое, хищное, жестокое. А в глазах плясала насмешка, свирепая и безоглядная.

Человек, к которому он обращался, хмуро ответил:

– Говорю же тебе, этот Соломон Кейн – сущий дьявол, выпущенный из ада.

– Чушь!.. Недоумок! Он просто человек, и не более! И запросто умрет от пули или хорошего тычка шпагой!

– Вот так же думали Жан, Хуан и Ла Коста, – мрачно заявил второй. – Ну и где они все теперь? Об этом можно спросить у горных волков, которые уже объели мясо с их мертвых костей. А где, по-твоему, прячется этот Кейн? Мы обшарили все горы и долины на много лиг кругом, и ни следа! Говорю тебе, Ле Лу, он выскакивает прямо из преисподней! Ох, не надо было нам вешать того монаха месяц назад... Чужая моя душенька, не будет добра!

Волк раздраженно барабанил пальцами по столу. Его черты носили печать всевозможных безумств и пороков, но все-таки это было лицо умного человека, умеющего думать. И суеверий своих подчиненных он вовсе не разделял.

– Еще раз повторяю: чушь! – сказал он. – Мерзавцу просто повезло напасть на пещеру или какое-нибудь неизвестное нам ущелье. Где он и отсиживается в течение дня...

– Ну да, а по ночам вылезает наружу и убивает нас одного за другим, – угрюмо подхватил его собеседник. – Он охотится на нас, точно волк на оленей... Господи боже ты мой, Ле Лу! Ты вот называешь себя Волком, но, помани мое слово, нарвался ты в конце концов на волка еще покруче себя! Мы и прознали-то про этого парня, только когда нашли Жана, – вот уж был крутейший бандюга из всех, по ком плачет петля! И что же? Находим мы его, приколотого к дереву его же кинжалом, всаженным в грудь, а на щеках у мертвого вырезаны три буквы – С. Л. К.!

Потом настал черед Хуана Испанца. Когда мы его подобрали, он еще некоторое время жил и успел рассказать нам, что грохнул его англичанин, зовут Соломон Кейн, и, дескать, поклялся этот англичанин страшной клятвой истребить всю нашу шайку! А дальше? Ла Коста, наш первый фехтовальщик, отправляется разыскивать Кейна, будь он неладен. И, во имя демонов вечного пекла, похоже, он таки его отыскал! Или мы не нашли на скале его тела, этак аккуратненько проткнутого шпагой? Что же теперь? Ждать, пока чертов англичанин всех нас порешит, как баранов?..

– Верно, лучшие наши ребята нашли смерть от его руки, – задумался предводитель бандитов. – Ладно, остальные скоро вернуться... те, что отправились на маленькую прогулку – навестить отшельника. Придут, тогда и посмотрим. Не век же ему прятаться, этому Кейну. Когда-нибудь мы... э, а это еще что за фигня?..

Оба разбойника вертанулись на месте: стол между ними пересекла чья-то тень. Через порог пещеры, служившей логовом шайке, шатаясь и едва держась на ногах, ввалился человек. Он смотрел прямо перед собой вытаращенными глазами, качаясь на подламывающихся ногах.

Рубаха его была разукрашена багровыми пятнами. Он проковылял еще несколько шагов вперед и повалился прямо на стол, а потом сполз с него на пол.

– Дьяволы ада!.. – выругался Волк, подхватывая бессильно обмякшее тело и водворяя его на стул. – Где остальные, твою мать?

– Убиты... все... убиты...

– Каким образом? Да говори же, чтоб сатана тебя уволок!

Волк яростно тряс раненого. Второй бандит стоял столбом, выпучив от ужаса глаза.

– Мы... добрались к избушке отшельника... как раз когда восходила луна... – пробормотал вновь пришедший. – Я остался снаружи... на стреме... остальные вошли... мы собирались попытать отшельника, чтобы он выдал нам... где он хранит... свое золото...

– Да-да, все так! Дальше-то что? – Волк сходил с ума от нетерпения.

– И тогда все вспыхнуло огнем... избушка с грохотом взлетела в воздух... и пошел огненный дождь... сквозь этот дождь я увидел... отшельника и при нем второго... высокого такого парня в черном... Они выходили из-под деревьев...

– Соломон Кейн!.. – проскрежетал второй бандит. – Так я и знал, что это он! Я...

– Заткнись, недоумок! – рявкнул главарь. – А ты – продолжай!

– Я побежал... Кейн... он погнался за мной... ранил вот... но я убежал... и подоспел сюда... первым...

И раненый уронил голову, тяжело наваливаясь на стол.

– Дьяволы и святые!.. – взревел Волк. – Как хоть он выглядит, этот Кейн?

– Как... как сам сатана...

Голос беглеца угас, и с ним жизнь. Мертвое тело вновь сползло на пол и осталось лежать кровавой бесформенной кучей.

– К-к-как сат-т-тана!.. – прыгающая челюсть мешала второму разбойнику говорить внятно. – Я ж-же т-тебе гов-ворил! Это сам р-рогатый... во плоти... Я г-говорил...

Он умолк: снаружи в пещеру просунулась чья-то испуганная физиономия.

– Кейн?..

– Да! – Волк был слишком растерян, чтобы с ходу соврать. – Смотри там как следует, Ла Мон! Сейчас мы с Крысой к тебе подойдем...

Физиономия исчезла, и Ле Лу повернулся к подельщику.

– Похоже, банде конец, – сказал он. – Ты, я да этот ворюга Ла Мон – вот и все, что осталось. Что предлагаешь?

Побелевшие губы Крысы с трудом выдавили:

– Бежать!..

– Дело говоришь. Давай-ка заберем камешки и золото из этих сундучков да и сделаем ноги через потайной ход.

– А Ла Мон?..

– Пускай себе караулит хоть до второго пришествия. Тебе что, больно надо делить добро натрое, когда можно пополам?

Злобную рожу Крысы перекосило бледное подобие улыбки. Потом неожиданная мысль поразила его.

– Он... – и Крыса кивнул на мертвое тело на полу, – помнится, сказал что-то вроде: «...и я подоспел сюда ПЕРВЫМ». Он что, имел в виду, что Кейн гнался за ним, направляясь... сюда?

Волк только кивнул, утвердительно и нетерпеливо. Крыса поспешно бросился к сундукам.

Огарок, тлевший на колченогом столе, освещал безумную сцену. Неверный мечущийся свет бросал алые блики, отражаясь в луже крови, все шире расплывавшейся из-под мертвого тела; он играл на самоцветах и золоте, которые торопливые руки выгребали из окованных

медью сундуков, выстроившихся вдоль стен; наблюдательный взгляд мог бы заметить, что глаза Волка блестели совершенно так же, как и его спрятанный в ножны кинжал.

И вот наконец сундуки опустели, а их содержимое мерцающей грудой было свалено на окровавленный пол. Тут Волк замер, прислушиваясь. Снаружи было тихо. Ночь стояла безлунная, и живое воображение Ле Лу мигом нарисовало убийцу в черном – Соломона Кейна, крадущегося сквозь мрак по его душу. Неслышный силуэт, тень среди теней... Волк криво усмехнулся. Ну уж нет, сказал он себе. На сей раз англичанин останется в дураках.

– Еще сундучок забыл, – буркнул он, указывая рукой.

Крыса удивленно издал невнятное восклицание и склонился над сундуком, на который указывал ему главарь. Волк прыгнул к нему одним движением, как кот. И по рукоять всадил кинжал Крысе в спину, между лопатками. Разбойник осел на пол, не издав ни звука.

– Спрашивается, зачем вообще что-то делить? – пробормотал Ле Лу, вытирая кровавый клинок о камзол мертвеца. – А теперь позаботимся о Ла Моне...

И он шагнул было к двери, но тут же остановился как вкопанный. А потом отшатнулся назад.

Сперва ему показалось, что это была тень человека, стоявшего на пороге. Потом он увидел, что это была не тень, а сам человек. Человек в черном. Который стоял до того неподвижно, что свет мерцающего огарка делал его пугающе похожим на тень.

Он был высокого роста, не меньше самого Ле Лу, и одеяние его было сплошь черно, от шляпы до башмаков. Такая простая, ничем не украшенная, облегающая одежда, удивительно подходившая к бледному сумрачному лицу. Широкие плечи и длинные руки безошибочно выдавали в нем фехтовальщика. Как, впрочем, и длинная рапира, которую он держал наготове. Лицо у человека было замкнутое и мрачное. Угрюмая бледность, особенно в неверном свете, делала его похожим на выходца с того света. А грозно сдвинутые брови и вовсе наводили на мысли о дьявольщине.

Глаза – большие, глубоко посаженные, немигающие – смотрели на бандита в упор, и Ле Лу, глядя в них, так и не понял, какого же они цвета. Пожалуй, единственным, что нарушало вполне мефистофельское обличье незнакомца, был высокий, широкий лоб. Но и его наполовину скрывала мягкая шляпа без пера.

Вот такой человек. Лоб мечтателя, погруженного внутрь себя идеалиста, – но при этом глаза и тонкий прямой нос фанатика. Какого-нибудь стороннего наблюдателя наверняка потрясли бы глаза обоих этих мужчин, стоявших друг против друга. В обоих таилась невероятная сила. Но на том и кончалось все сходство.

Глаза у бандита были как камни, свет в них почти не проникал. В них переливался мерцающий блеск, но какой-то мелкий, поверхностный. Так блестит дорогой самоцвет. В глазах были насмешка, бесстрашие и жестокость.

Глаза человека в черном глубоко сидели в глазницах и холодно взирали из-под нависших бровей. Тому, кто заглядывал в них, казалось, будто смотришь с края обрыва в ледяную бездну.

И вот их взгляды схлестнулись, и Волк, привыкший внушать страх, ощутил странный холодок, пробежавший по позвоночнику. Это чувство было ему внове. И он, живший ради острых ощущений, неожиданно захохотал.

– Соломон Кейн, я полагаю? – поинтересовался он, постаравшись, чтобы вопрос прозвучал вежливо-нелюбопытно.

– Да, я Соломон Кейн. – Мощный голос породил эхо в пещере. – Готовы ли вы ко встрече с Создателем?

– А как же, месье, – с поклоном отвечивал Ле Лу. – И более готов, чем теперь, уже не буду. А вы, месье?

– Без сомнения, я неправильно поставил вопрос, – мрачно сказал Кейн. – Изменим его. Готовы ли вы ко встрече со своим хозяином сатаной?

– Что до этого, месье... – Ле Лу с подчеркнуто скучающим видом рассматривал свои ногти, – то позвольте заверить вас, что именно в данный момент я готов представить его рога-тому величеству наиболее блистательный отчет о своих земных делах. Другое дело, не вижу особенной нужды с этим спешить. Еще успеется.

Волку не надо было гадать о судьбе Ла Мона: присутствие Кейна в пещере говорило само за себя. Так что на его окровавленную рапиру можно было и не смотреть.

– Что я действительно хотел бы знать, месье, – сказал бандит, – так это, во-первых, какого дьявола вам понадобилось сживать со свету мою банду? И, во-вторых, каким образом вы ухай-дакали этот последний выводок моих недоумков?

– На второй ваш вопрос, сэр, ответить легко, – сказал Кейн. – Видите ли, я сам распустил слух, что у отшельника якобы водится золотишко. Я знал, что оно притянет ваших подонков, как падаль – стервятников.

Я следил за хижинкой отшельника несколько дней и ночей, и вот ваши негодяи наконец появились. Заметив их, я предупредил святого человека, и мы вместе укрылись в чаще за домиком. Когда же они забрались внутрь, я высек огонь и поджег фитиль, который заблаговременно протянул. Быстро пробежала между деревьями огненная змея и подожгла порох, заложенный под полом хижины. Тогда-то и прозвучал взрыв. Он вдребезги разнес домик и отправил тринадцать грешников среди дыма и пламени напрямик в ад. Одному, правда, посчастливилось удрать, но и его я настиг бы в лесу, не запнись я о корень. Я упал, и он сумел от меня улизнуть.

– Месье! – сказал Ле Лу, отвечивая Кейну еще один низкий поклон. – Позвольте выразить вам мое восхищение: вы очень умный и храбрый противник. Но откройте же мне наконец, почему вы охотились за мной, точно волк за оленем?

– Несколько месяцев назад вы с друзьями разграбили деревушку в долине, – ответил Кейн, и выражение его лица сделалось еще более зловещим. – Вы лучше меня знаете, что там происходило, Ле Лу. Среди прочих там была одна девушка, сущее дитя. Она бежала, пытаясь спастись от вашей низменной похоти. Вы поймали ее! Зверски изнасиловали, пырнули кинжалом и бросили умирать. Я нашел ее там. И над ее бездыханным телом решил, что выслежу вас и убью.

– Ммм... – Ле Лу наморщил лоб, пытаясь припомнить. – Ну... кажется, какая-то девка в самом деле была. Mon Dieu! Да никак тут у нас замешаны нежные чувства!.. Мог ли я предполагать, месье, что вы влюбчивы! Ах, друг мой, стоит ли ревновать? На белом свете предостаточно баб...

– Остерегись, Ле Лу! – вырвалось у Кейна, и страшная угроза была в его голосе. – Мне еще не приходилось пытать человека до смерти, но, во имя Господне, ты меня искушаешь!

Его тон и в особенности божба, весьма неожиданная для такого человека, как Кейн, заставили Ле Лу несколько протрезветь. Глаза разбойника сузились, рука потянулась к рапире. Однако потом он вновь подчеркнуто расслабился.

– Кем она вам доводилась, месье? – поинтересовался он лениво. – Супругой?

Кейн ответил:

– Я ее никогда прежде не видел.

– *Nom d'un nom!* – выругался бандит. – Да что вы за человек такой, месье, что возлагаете на себя долг кровной мести из-за деревенской девки, которую и знать-то не знали?

– А вот это уж, сэр, мое личное дело. Хватит с вас и того, что я его на себя возложил.

Вообще говоря, Кейн сам не смог бы толком этого объяснить. Да он и не пытался рыться в себе. Фанатикам вроде него хватает простых побуждений, чтобы перейти к немедленным действиям.

– Истинную правду вы говорите, месье... – Ле Лу отчаянно пытался выиграть время; дюйм за дюймом он отодвигался назад, да так ловко, что даже у Кейна, следившего за ним, точно хищный ястреб за мышью, никаких подозрений не зародилось. – Месье, – продолжал Волк, – вы, наверное, сами себе кажетесь доблестным рыцарем. Странствуете себе, как какой-нибудь Галахад, и только и делаете, что заступаетесь за слабых. Но мы-то с вами знаем, что суть не в том. Здесь, на полу перед вами, лежит императорский выкуп. Может, разделим его похорошему? А потом, коли вам так уж не нравится мое общество, – *nom d'un nom!* – быстренько разойдемся в разные стороны!

Кейн двинулся вперед, холодные глаза начали разгораться зловещим огнем. Он в самом деле казался громадной хищной птицей, готовой броситься на добычу.

– Вы полагаете, сэр, что я такой же мерзкий негодяй, как и вы сами?

Ле Лу внезапно откинул голову, глаза его сияли почти что дружеской насмешкой и какой-то полубезумной бравадой. Он расхохотался во все горло, так что эхо пошло гулять по пещере.

– О нет, вы, глупец! Я и в мыслях не держал равнять вас с собой! *Mon Dieu*, месье Кейн, да вы по гроб жизни не останетесь без работы, вздумай вы мстить за всех девок, каким я задираю юбки!..

– Смертные тени!.. Да что ж это я трачу время на переговоры с таким негодяем!.. – зарычал Кейн неожиданно кровожадно. Худое тело прыгнуло вперед с силой и скоростью внезапно спущенной тетивы.

Но в тот же самый миг Ле Лу, не переставая безумно смеяться, отлетел назад гибким прыжком, не уступавшим в стремительности движению Кейна. Он безукоризненно рассчитал время. Выброшенные руки опрокинули стол и швырнули его в сторону. Огарок свечи перевернулся и погас.

Пещера погрузилась во тьму.

Рапира Кейна запела в темноте, как стрела. Она свирепо полосовала воздух, но, увы, впустую.

– Прощайте, месье Галахад!.. – насмешливо донеслось откуда-то спереди.

Кейн ринулся на голос со всей яростью человека, не находящего должного выхода своему гневу... и уткнулся в сплошную стену, отнюдь не поддававшуюся ударам. Ему показалось, будто откуда-то долетел отзвук издевательского хохота...

Он повернулся назад, вглядываясь в устье пещеры, смутно вырисовывавшееся во мраке. Быть может, его враг захочет проскользнуть мимо него и незамеченным выскочить вон?.. Но нет, человеческий силуэт так и не появился во входном проеме. Когда же Кейн наконец нащупал свечу и вновь зажег ее, в пещере никого не было. Только он сам – и мертвец на полу.

Глава 3

Песнь барабанов

Над темными водами пронесся шепот. БУМ, БУМ, БУМ! – угрюмо повторял кто-то невидимый. Далеко в стороне и еще тише, но другим тембром звучало: ТАМ, ТАМ, ТАМ! Голоса перекликались: барабаны разговаривали друг с другом. Какие вести передавали они? Какие чудовищные тайны разглашали они над мрачными пространствами темных джунглей, которые ничья рука еще не наносила на карту?..

– Говоришь, это и есть та самая бухта, где останавливался испанский корабль?..

– Да, сеньор, это точно она! Неф клянется, что именно тут белый человек покинул судно и ушел в джунгли один-одинешенек.

Кейн хмуро кивнул:

– Тогда высадите меня здесь. Одного. Ждите меня в течение семи дней. Если до тех пор я не вернусь или не подам вести о себе, вы вольны плыть куда пожелаете.

– Да, сеньор.

Волны лениво ударяли в борт шлюпки, несшей Кейна к берегу. Деревня, в которую он направлялся, стояла на речном берегу в некотором отдалении от моря. Густой лес не давал рассмотреть ее с корабля.

Кейн выбрал для высадки время, казавшееся наиболее опасным: он решил сойти на берег ночью. Он знал из опыта: если тот, за кем он гнался, был сейчас в деревне, то среди бела дня подойти к ней нипочем не удастся. Если же он хотел застичь его, приходилось идти на сумасшедший риск, углубляясь в джунгли в ночной темноте. Что ж, он почти всю жизнь только тем и занимался, что шел на сумасшедший риск. Вот и теперь он без колебаний ставил на карту свою жизнь ради того, чтобы подобраться к туземной деревне под покровом темноты.

На берегу, выйдя из шлюпки, он вполголоса отдал несколько распоряжений. Гребцы погнали суденышко назад к кораблю, стоявшему на якоре поодаль от берега. Кейн же повернулся к морю спиной, и непроглядные ночные джунгли поглотили его. Он крался вперед, сжимая в одной руке обнаженную рапиру, а в другой – кинжал. Далекое бормотание барабанов помогало ему держать верное направление.

Кейн двигался как леопард: легко и бесшумно. Он осторожно выбирал путь, и каждый его нерв пребывал в напряжении. Идти было тяжело. Лианы путались под ногами и били его по лицу. Приходилось ощупью пробираться между необъятными стволами гигантских деревьев. И повсюду вокруг него в густом подлеске не прекращались весьма подозрительные шорохи, а иногда даже и мелькало что-то живое. Трижды он едва не наступал прямо на змей, которые, извиваясь, поспешно отползали. Один раз между деревьями зло блеснули хищные кошачьи глаза. Впрочем, стоило Кейну приблизиться, и глаза погасли и скрылись.

ТАМ, ТАМ, ТАМ! – долетала безостановочная песнь барабанов. «Война и смерть! – говорили они. – Кровь и похоть! Жертвы на алтарях! Людоедские пиршества!» Барабаны говорили о душе Африки, о духе джунглей, пели о богах, обитающих во внешних пространствах, о богах, ревущих и бормочущих по-звериному: человечество знало их, когда над миром только восходила заря веков. «Боги с глазами зверей! – пели барабаны. – Боги с клыкастыми пастями, с прожорливыми утробами, с когтистыми лапами! Черные боги!...»

И еще о многом то кричали, то нашептывали барабаны, пока Кейн со всей возможной скрытностью пробирался по лесу. И где-то в глубине его души пробудилась некая струнка и зазвучала в такт барабанам. «Ты тоже родной сын этой ночи, – приговаривали барабаны. – В тебе самом – сила тьмы, дикая первобытная сила. Вернись во глубину веков! К НАМ, К НАМ, К НАМ! Позволь нам научить тебя, научить тебя, научить!...»

Наконец Кейн выбрался из непролазных дебрей и ступил на четко видимую тропу. Впереди, за деревьями, проглянули деревенские огни: отблески пламени проникали сквозь щели ограды. Кейн быстрым шагом двинулся по тропе.

Он шел тихо и осторожно, держа рапиру перед собой. Глаз пытался различить малейшее движение впереди. Деревья, стоявшие по сторонам, казались угрюмо замершими великанами; где-то высоко вверху над тропой их ветви сплетались в сплошной полог, и дальше нескольких шагов попросту ничего не было видно.

Подобно темному призраку, двигался он по мглистой тропе, держа в постоянном напряжении и ухо, и глаз... И все-таки ничто не предупредило его об опасности. Громадный расплывчатый силуэт выдвинулся из теней и беззвучно сшиб его с ног.

Глава 4

Черный бог

ТУП, ТУП, ТУП! – с мертвящей монотонностью повторял невидимый барабан. Теперь Кейн знал, что барабан говорил о нем, да, о нем, на все лады насмехаясь: ТУП, ТУП, ТУП! ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП! Источник рокота то уносился в немыслимую даль, то, наоборот, приближался вплотную: протяни руку – и коснешься. И вот наконец ритм барабана совпал с биением крови в висках, то и другое размеренно повторяло: ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП, ГЛУП...

Туман в мозгу постепенно рассеивался. Кейн попытался поднять руку, чтобы пощупать голову, но обнаружил, что крепко связан по рукам и ногам. Он лежал на полу хижины... один – или здесь был кто-то еще? Кейн вывернул шею, оглядывая свою тюрьму. Нет, он был не один. Из темноты на него смотрела пара блестящих глаз. Смутная тень постепенно обретала конкретную форму, и Кейн решил, что это-то, верно, и был человек, ударивший его на тропе. Но почти сразу переменил свое мнение. Этому человеку просто не под силу было бы нанести подобный удар. Он был тощий, высохший и морщинистый. Живыми в этих мощах казались только глаза. Змеиные глаза.

Он сидел на корточках возле двери, почти голый, если не считать набедренной повязки да еще обычного набора всевозможных браслетов на руках и ногах. Кроме украшений по всему телу старика были развешаны амулеты из слоновьего бивня, кости и кожи – как звериной, так и человеческой. Кейн был потрясен, когда этот человек неожиданно заговорил с ним... по-английски.

– Ха, твоя проснулась! Зачем твоя сюда приходи, а?

Кейн, естественно, сейчас же задал неизбежный вопрос:

– Как вышло, что ты... говоришь на моем языке?

Туземец ухмыльнулся:

– Моя бывай рабом... долго-долго назад, когда моя была мальчик. Моя, Нлонга, – великий могучий колдун! Другая такая человек больше нет! А ты – твоя ищи брата?

– Брата!.. – зарычал Кейн. – Я! Брата!.. А впрочем, я действительно разыскиваю одного человека.

Чернокожий кивнул.

– А что будет, – спросил он, – если твоя его находит?

– Он умрет!

Туземец вновь ухмыльнулся.

– Моя – могучий шаман! – заявил он ни к селу ни к городу. Потом склонился ниже: – Твоя ищи белый человек, глаза как у одна такая леопард, верно? Верно?.. – И он расхохотался, заметив реакцию Кейна. – Так вот, твоя слушай. Этот, Глаза-как-у-леопарда, и царь Сонга сильно-сильно договорись. Их теперь кровный братья, так. Твоя молчи! Моя твоя помогай, а твоя помогай моя. Так?

Кейн подозрительно осведомился:

– А с какой это радости ты мне собираешься помогать?

Шаман нагнулся над ним совсем уж вплотную и прошептал:

– Белый человек – правая рука Сонги. Царь Сонга сильней Нлонга. Белый человек – большая-большая колдун. Если белый брат Нлонги убивай Глаза-как-у-леопарда, он становись кровный побратим Нлонги. Тогда Нлонга становись сильней Сонга. Твоя-моя договорились, так!

И с этими словами он, что называется, испарился из хижины. Растворился в воздухе, как призрак. Кейн, пожалуй, не взялся бы утверждать, что весь их разговор ему попросту не примерещился.

Он видел отблеск костров, горевших снаружи. Барабаны еще продолжали греметь, но в этой близости их голоса накладывались один на другой, утрачивая гипнотический ритм. Все сливалось в сплошной шум, в котором трудно было угадать какой-либо смысл, не говоря уже о мелодии. Явственно ощущалась только насмешка. Дикарская, злорадная и жестокая...

«Все ложь, – подумалось Кейну. Голова у него еще шла кругом. – Здешние джунгли лживы, точно лесная колдунья, что заманивает людей на погибель...»

Потом в хижину вошли два воина, два темнокожих гиганта, раскрашенные с головы до пят и с копьями в руках. Подняв англичанина, они вынесли его наружу. Он чувствовал, что они пересекли какое-то открытое место. Здесь Соломона поставили на ноги, прислонили спиной к столбу и привязали. Повсюду вокруг – сзади, спереди, по сторонам – кривлялись черные разрисованные рожи. Пламя костров то взвивалось, то опадало, и лица то были ясно видны, то пропадали во тьме. Наконец прямо напротив Кейна замаячило нечто огромное, бесформенное, непристойно уродливое. Жуткая, черная как ночь пародия на человека. Угрюмая, неподвижная, заляпанная кровью. Ужас. Душа Африки. Ее Черный бог.

Чуть впереди изваяния, по сторонам, на резных тронах из тикового дерева сидели двое мужчин. Тот, что справа, был, несомненно, местным уроженцем: настоящая гора малосимпатичной плоти, пороссячьи глазки и мокрые красные губы на лице, отмеченном печатью многих пороков. Человек этот из всех сил старался казаться величественным.

Второй же...

– Ах, месье, вот мы и встретились снова!

Говоривший мало чем напоминал теперь того учтивого негодяя, что морочил голову Кейну в горной пещере. Одежда его превратилась в тряпье, на лице прибавилось морщин. Прошедшие годы не только состарили его, он еще и заметно опустился. И все-таки глаза его горели прежней шальной безоглядностью, а голос был полон насмешки.

– Последний раз я слышал этот поганый голос в темной пещере, – спокойно сказал Кейн, – из которой ты удирал, как напуганная крыса.

– И верно, в тот раз все выглядело совершенно иначе, чем теперь, – невозмутимо отвечал Ле Лу. – Интересно, что ты предпринял, когда тебе надоело метаться, точно слону в темноте?

Кейн помедлил, потом сказал:

– Я вышел наружу...

– Так же, как и вошел? Ну конечно! Я должен был догадаться, что у тебя мозгов не хватит отыскать скрытую дверь. Клянусь копытами дьявола!.. Достаточно было тебе наподдать сундуку с золотым замочком, стоявшему возле стены, и сейчас же открылся бы потайной ход, которым я и воспользовался!

– Как бы то ни было, – сказал Кейн, – я шел по твоему следу до ближайшего порта, где сел на корабль и последовал за тобой в Италию, куда ты, как я выяснил, направился.

– Да, и, во имя всех святых, во Флоренции ты едва не загнал меня в угол. Хо-хо!.. Месье Галахад ломился в дверь таверны, в то время как его покорный слуга вылезал в окошко с другой стороны. И не охромей твоя лошадь, ты как есть застукал бы меня на римской дороге. Опять же, в Испании, едва мой корабль отвалил от пристани, как на причал верхом прискакал все тот же месье Галахад. И что тебе взбрестило вот так гоняться за мной по всему миру? Не возьму в толк!

– Потому что ты – негодяй, которого я обязан убить, – холодно отвечал Кейн.

Другого объяснения у него не было. Он провел жизнь в скитаниях по белу свету, всюду помогая угнетенным и сражаясь с обидчиками слабых. Что двигало им – он не взялся бы истолковать. Да он никогда и не пытался. Такова уж была его планида, и все. Его страсть, одержимость всей его жизни. Жестокость и несправедливость неизменно разжигали в нем яростное пламя гнева. Столь же смертоносное, сколь и неугасимое. И когда оно возгоралось как следует,

в полную силу, – тут уж Кейн не знал ни отдыха, ни покоя, покуда не исполнял долг мести в полной мере, до самого конца. В тех редких случаях, когда ему вообще случалось задумываться о мотивах собственных поступков, он полагал себя сосудом Божьего гнева, изливаемого на головы неправедных. Он считал себя до кончиков ногтей пуританином. Но назвать его пуританином в полном смысле слова было, конечно же, нельзя.

Ле Лу передернул плечами:

– Я еще мог бы понять, если бы чем-нибудь навредил тебе лично. *Mon Dieu!* В этом случае я и сам поперся бы казнить врага хоть на край света. Но о тебе я и слыхом не слыхал до того самого дня, когда тебе вздумалось объявить мне войну. То есть я бы, понятное дело, с превеликим удовольствием убил и ограбил тебя, да как-то случая не представилось...

Кейн не ответил. Холодный гнев переполнял его. Он сам того не осознавал, но Волк давно уже стал для него не просто врагом. Француз превратился для Кейна в настоящий символ всего, с чем пуританин сражался всю свою жизнь: жестокости, подлости, насилия и бесстыдства.

Ле Лу прервал его мстительные размышления, спросив:

– А что ты сделал с сокровищами, которые я столько лет собирал? Дьявол тебя задеря, я всего-то успел подхватить горстку монет и побрякушек, когда удирал!

– Кое-что я взял себе и использовал, пока охотился за тобой, – ответил Кейн. – А остальное отдал крестьянам, которых ты обирал.

– Сатана и угодники!.. – выругался Ле Лу. – Слушай, месье, да ты самый крутой недоумок из всех, что мне попадались. Высыпать такую казну – ах, дьявол, кишки в узел завязываются, как подумаю! – в лапы подлому мужичью! А впрочем... ох-хо-хо-хо! Дак они ж все друг дружке из-за этих денег горло перегрызут!.. От человеческой природы никуда не уйдешь!..

– Верно, будь ты проклят! – неожиданно взвился Кейн. Его самого по этому поводу беспокоила совесть. – Перегрызут, потому что они глупцы. А что я мог сделать еще? Оставить клад в пещере, чтобы люди нагишом ходили из-за нищеты? Они, кстати, его все равно бы нашли, так что свара так и так разразилась бы. А вот если бы ты не отбирал эти деньги у их законных владельцев, никакой беды бы не произошло!..

Волк молча улыбался ему в лицо. Кейн был убежденным противником богохульства и бранился исключительно редко. Соответственно, ругань в его устах всегда приводила в замешательство его оппонентов, какими бы заскорузлыми мерзавцами они ни были.

Пуританин вновь подал голос:

– А ты – почему ты бегал от меня по всему свету? На самом-то деле не так уж ты меня и боялся!

– Угадал, месье. Не боялся. А почему – право же, и сам не знаю. Привычка, наверное. Привычка – она, видишь ли, вторая натура. Должен признаться, я совершил ошибку, не грохнув тебя той же ночью в горах. Я уверен, что справился бы с тобой в поединке. Заметь, до нынешнего дня я ни разу не пытался подстроить тебе засаду. Меня просто как-то не радовала мысль о встрече с тобой. Прихоть, месье, обыкновенная прихоть. А кроме того, – *mon Dieu!* – это до некоторой степени вернуло мне остроту переживания. Я ведь думал, что все острые ощущения уже исчерпал. А кроме того, человек в любом случае – либо дичь, либо охотник. До сих пор я был дичью, и постепенно мне это начало надоедать. Тем более что я решил, будто ты уже потерял мой след...

Кейн ответил:

– Раб, привезенный из здешних краев, рассказал одному португальскому капитану об «англичанине», который якобы высадился с испанского корабля и отправился в джунгли. Этот слух достиг моих ушей, и тогда я нанял корабль, заплатив капитану за то, чтобы он доставил меня в то же место.

– Восхищаюсь упорством месье Галахада. Но и я, согласись, достоин твоего восхищения! Я пришел в эту деревню один – один среди дикарей и людоедов! Я даже и языка толком не

знал, так, нахватался от того раба на корабле. И все же я умудрился завоевать расположение вождя Сонги и сместил Нлонгу, этого старого шарлатана. Я храбрее тебя, месье! У меня не было корабля, на который я мог бы отступить, – а тебя, как я знаю, ожидает корабль...

– Я признаю твоё мужество, – сказал Кейн. – Но ты удовлетворился тем, чтобы править каннибалами... да ты и среди них-то самая последняя душонка. А я собираюсь вернуться к своему народу... как только покончу с тобой.

– Твоя уверенность в себе тоже внушала бы уважение, не будь она так забавна. Эй, Гулка!

На открытую площадку между ними выбрался исполинский дикарь. Второй подобной громадины Кейн не видал никогда в своей жизни, только вот двигалась эта громадина с гибкой грацией кошки. Руки и ноги чернокожего походили на необъятные древесные стволы, при каждом движении на них вздувались и опадали могучие мышцы. Голова, напоминавшая обезьянью, росла прямо из чудовищных плеч. Громадные руки казались сродни лапам гориллы, под низким покатым лбом прятались звериные глазки. Плоский нос и толстые красные губы дополняли облик полнокровной дикости, необузданной и первобытной.

– Это Гулка, убийца горилл, – сказал Ле Лу. – Это он подкараулил тебя на тропе и уложил кулаком. Ты сам вроде волка, месье Кейн, но с того мгновения, как твой корабль показался на горизонте, за тобой пристально следило множество глаз. И будь ты хоть сам леопард, ты бы нипочем не заметил Гулку и не услышал его. Он охотится на самых хитрых и свирепых животных, охотится в их родных лесах. Он ходит на север и ловит там «зверей-ходящих-как-люди» – вроде вот этого, которого он убил несколько дней назад.

Кейн посмотрел туда, куда указывал палец Ле Лу, и увидел странное человекоподобное существо, висевшее на коньке одной из крыш. Оно было наколото, как на вертел, на острый конец шеста. Свет костров не давал возможности подробно его рассмотреть, но в очертаниях волосатой туши безошибочно угадывалось нечто несомненно человеческое.

– Самка гориллы, которую Гулка убил и приволок в деревню, – пояснил Ле Лу.

Гигант между тем нагнулся к Кейну и уставился англичанину прямо в глаза. Пуританин хмуро ответил на его взгляд, и спустя некоторое время дикарь, не выдержав, отвернулся и подался назад. Взгляд мрачных глаз Кейна глубоко проник в сумеречное сознание охотника на горилл, и впервые за всю свою жизнь Гулка почувствовал страх. Желая отделаться от неприятного ощущения, он обвел соплеменников вызывающим взглядом; а потом, совсем уж как животное, с барабанным звуком ударил себя в грудь, оскалил зубы и напряг колоссальные мышцы. Никто не издал ни звука. Это было первобытное звероподобие во всей своей красе. Те из зрителей, кто был больше похож на людей, наблюдали за Гулкой – одни посмеиваясь про себя, другие – терпимо, третьи – с тихим презрением.

Охотник на горилл украдкой покосился на Кейна, проверяя, смотрит ли на него англичанин. А потом, издав устрашающий рев, вдруг бросился вперед и выдернул из круга одного из мужчин. Трясущаяся жертва отчаянно заверещала, умоляя о снисхождении. Великан швырнул несчастного на грубо сработанный алтарь перед темным идолом, блеснуло занесенное копье, и крики оборвались. Черный бог молча наблюдал за происходившим у его подножия, и чудовищные черты, казалось, озаряла жестокая улыбка. Он испил крови. Удовлетворило ли его приношение?

Гулка прошествовал назад, остановился против Кейна и принялся вращать окровавленным копьем перед лицом белокожего пленника.

Ле Лу захохотал... И тут неожиданно на сцене появился Нлонга. Откуда он взялся, осталось никому не известным. В какой-то миг его не было, а потом он попросту возник, сгустился из воздуха рядом со столбом, у которого стоял привязанный Кейн. Колдун прожил век, изучая все тонкости искусства создавать иллюзии; он в совершенстве умел появляться из ниоткуда и исчезать в никуда. На самом деле для этого нужно было просто очень хорошо чувствовать внимание зрителей. Остальное зависело от ловкости.

Царственным жестом маленький колдун отстранил Гулку, и великан охотник поспешно шарахнулся прочь, как бы для того, чтобы поскорее убраться с глаз Нлонги... но тут же с невероятной скоростью развернулся и сплеча шарахнул шамана ладонью по уху. Удар был страшный. Нлонга свалился, точно бык на бойне. В мгновение ока его сцапали и привязали к тому же столбу, рядом с Кейном. Из толпы народа послышался неуверенный ропот. Царь Сонга метнул в ту сторону грозный взгляд, и ропот сразу затих.

Ле Лу откинулся на спинку трона и захохотал уже во все горло:

– Вот и добрался ты до конца тропы, месье Галахад! Старое чучело думало, что я знать не знаю о его замыслах. Тогда как я прятался за дверью хижины и слышал от и до всю вашу занимательную беседу. Ха-ха, месье! Черный бог предпочитает пить кровь, но я уговорил Сонгу предать вас обоих огню. На мой вкус, это зрелище гораздо забавней, хотя, боюсь, нам придется отказаться от обычного в таких случаях пира. Ибо, когда у вас под ногами разведут огонь, сам дьявол не убережет ваших тел: обуглитесь, как головни!

Сонга возвысил голос, отдавая приказ. Несколько его соплеменников принесли дрова и сложили их возле ног Нлонги и Кейна. Тем временем к колдуну вернулось сознание, и он что-то прокричал на своем языке. Толпа, скрытая темнотой, вновь недовольно заворчала. Сонга прорычал что-то в ответ...

...Кейн взирал на происходившее почти отрешенно. Где-то в глубине его души пробуждались смутные воспоминания – нет, не его собственные, но те, что дремали в крови человечества, передаваясь от поколения к поколению. Память, подернутая мглой минувших эпох. «А ведь я уже был здесь, – думалось Кейну. – Я все это уже видел когда-то. Мертвенный отсвет огня, разгоняющий угрюмую ночь, плотный круг лиц, больше похожих на звериные морды, оскаленные в кровавом предвкушении... И бог! Там, чуть поодаль, окутанный тенью, – Черный бог! Все тот же Черный бог, думающий во мраке свои ужасные думы. Я уже слышал эти песнопения, этот остервенелый хор молящихся. Там, во глубине веков, на заре мира. Я слышал беседу рокочущих барабанов, я видел жрецов, распевających заклинания, я чувствовал этот отвратительный, но и возбуждающий, довлеющий надо всем запах только что пролитой крови. Все это я уже наблюдал – не здесь и не сейчас, но наблюдал. А теперь я сам стал главным действующим лицом...»

Тут до него дошло, что кто-то пытается докричаться до него сквозь гром барабанов. Собственно, он тут только осознал и то, что барабаны снова заговорили.

– Моя – могучий колдун! – бубнил Нлонга. – Сейчас твоя смотри хорошенько: моя совершай великое вуду. Сонга!!!

Вопль шамана был таков, что его слышали даже сквозь безостановочный гул барабанов. Сонга расслышал обращенные к нему слова и расплылся в усмешке. А грохот тамтамов перешел в негромкое зловещее бормотание. Так что Кейн вполне отчетливо расслышал голос Ле Лу:

– Нлонга говорит, что сейчас он совершит волшебство, о котором и упоминать-то вслух нельзя, не то помрешь. Никогда раньше оно не совершалось прилюдно: это что-то из области неназываемой магии. Смотри же внимательно, месье Галахад! Кажется, мы позабавимся еще лучше, чем я ожидал!

И Волк издевательски засмеялся.

Подошедший к Кейну дикарь нагнулся и поджег хворост у его ног. Крохотные язычки пламени побежали по сухим веткам. Еще один чернокожий собрался было подпалить дрова возле Нлонги, но вдруг замешкался. Колдун беспомощно повис на веревках, уронил голову на грудь. Казалось, он умирал.

Ле Лу подался вперед, выругавшись:

– Клянусь пятками дьявола! Никак этот поганец задумал лишить нас развлечения? Неужели мы не увидим, как он корчится в пламени?..

Воин опасливо притронулся пальцем к телу Нлонги и сказал что-то на своем наречии.

– Точно, откинул копыта, мошенник! – засмеялся Ле Лу. – Да уж, великий колдун, во имя...

Голос его неожиданно оборвался. Замолкли и барабаны, причем так, как будто барабанщиков постигла одновременная смерть. Тишина распространилась над деревней подобно туману. Некоторое время Кейн слышал только потрескивание пламени, чей жар постепенно уже подбирался к его телу.

Все глаза были обращены к мертвецу, распростертому на алтаре. Ибо мертвое тело начало шевелиться!

Сперва неуверенно дернулась кисть, потом задвигалась рука, а там и все остальные члены. Мертвец повернулся на бок, медленно и словно бы незряче. Потом сел. И наконец тело убитого выпрямилось и встало, пошатываясь. Зрелище было кошмарное. Ни дать ни взять жуткий новорожденный прорвал скорлупу небытия и вывалился в мир, с трудом удерживаясь на негнущихся, широко расставленных ногах и беспечно помахивая в воздухе руками. И все это в могильной тишине, в которой был отчетливо слышен каждый испуганный вздох.

Кейн мог только заворуженно смотреть. Впервые в жизни он испытал потрясение, начисто лишившее его не только дара речи, но и способности думать. Не говоря уж о том, что для него, пуританина, явление руки дьявола было более чем очевидно.

Ле Лу так и прирос к трону, тараша глаза. Его ладонь замерла в воздухе на середине небрежного жеста, который он собирался сделать, когда его застигло невообразимое зрелище. Подле него сидел Сонга: рот и глаза царя были одинаково распахнуты. Пальцы судорожно держались, переползая по резным подлокотникам трона.

Мертвец раскачивался на ногах-ходулях, заваливаясь назад так, что взгляд незрячих глаз устремлялся прямо к багровой луне, только-только выплывавшей из-за черной стены джунглей. Он шел вперед, вернее сказать, кое-как ковылял, описывая неправильный полукруг, раскидывая руки, чтобы удержать равновесие. Наконец он повернулся лицом к двум тронам. И к Черному богу.

В огне, подобравшемся к самым ногам Кейна, треснула ветка, и в страшной тишине этот слабый звук показался пушечным выстрелом. Ходячий ужас сделал шаг вперед. Неверный, ковыляющий шаг. И еще. И пошел, широко расставляя ноги, прямо к двоим правителям, безгласно застывшим у подножия Черного бога.

– Ахх... – дружно выдохнула толпа, придавленная испугом и темнотой.

Жуткий мертвец неотвратимо продвигался вперед. Вот он уже в трех шагах от тронов! Ле Лу, познавший страх едва ли не впервые за свою кровавую жизнь, вжался в спинку кресла. Сонга же, нечеловеческим усилием разорвав пути страха, огласил ночь безумным криком. Вскочив на ноги, он замахнулся копьем, извергая невнятные угрозы. Мертвец ничуть не замедлил пугающей поступи, и тогда Сонга метнул копье, вложив в бросок всю силу могучих мышц. Копье пробило грудь шедшего, пропоров кости и плоть. Но ни на миг не задержало его движения, ибо мертвые не умирают. И Сонга застыл на месте, простирая руки вперед, словно тщаь заслониться от неумолимого рока...

Они стояли друг против друга, и пляшущие отсветы пламени мешались с лунными лучами, навеки запечатлевая эту сцену в памяти всех видевших. Немигающие глаза мертвеца смотрели прямо в глаза Сонги, и в зрачках царя отражались разом все ужасы преисподней.

Потом мертвые руки неуклюже протянулись вверх и вперед. И упали Сонге на плечи. При первом же их прикосновении дородный царь словно бы съежился и усох. И завизжал так, что слышавшие этот визг уже не могли его позабыть. И рухнул наземь, увлекая за собой пошатнувшегося мертвеца. Два неподвижных тела распростерлись у ног Черного бога. Ошарашенному

Кейну уже казалось, будто в глазах идола, устремленных на них, в этих огромных нечеловеческих глазах плескался такой же нечеловеческий смех.

Стоило упасть царю Сонге, как все туземцы хором испустили ужасающий вопль. А Кейн, взгляду которого застарелая ненависть придавала особую зоркость, поискал Ле Лу и увидел, как он спрыгивает с трона и исчезает в темноте. Потом все заслонило мельтешение черных тел: обезумевшая толпа ринулась через площадку. Множество ног смело и разнесло пылающий хворост, и Кейн почувствовал, как торопливые руки освобождают его от пут. Другие руки освободили тело колдуна и опустили его наземь.

Только тут до пуританина начало смутно доходить, что племя приписывало все происшедшее магическому искусству Нлонги. И что они как-то связывали месть колдуна с ним самим, с Кейном. Наклонившись, он тронул ладонью плечо шамана. Никакого сомнения: тот был мертв, тело успело даже остыть. Кейн посмотрел на другие два тела. Сонга тоже не подавал признаков жизни, и то, что убило его, больше не двигалось.

Кейн хотел было подняться... и замер. Что это? Наваждение? Или его ладонь, еще сжимавшая плечо мертвого Нлонги, действительно ощутила вернувшееся тепло?.. Голова у него снова пошла кругом. Он склонился над колдуном... Нет, ошибки быть не могло. По телу шамана в самом деле распространялось тепло. Снова застучало сердце, разгоняя по жилам отяжелевшую кровь...

Нлонга открыл глаза и уставился на Кейна бессмысленным взором новорожденного младенца. У англичанина бегали по спине мурашки, но он продолжал смотреть. И увидел, как в глаза вернулся змеиный блеск, а толстые губы раздвинула знакомая хитрющая ухмылка. Нлонга зашевелился и сел, а племя разразилось каким-то странным песнопением.

Кейн огляделся кругом. Воины, все без исключения, стояли на коленях, раскачиваясь взад и вперед, и Кейн расслышал в их молитвенном хоре нечто вроде припева.

– Нлонга! Нлонга! Нлонга!.. – повторяли они с ужасом, восторгом и яростным, почти пугающим поклонением. Колдун поднялся на ноги, и мужчины пали перед ним ниц.

Нлонга удовлетворенно кивнул.

– Моя – великий колдун! Могучий шаман! – с торжеством объявил он Кейну. – Твоя видела? Моя дух выходит наружу – убивай Сонга – потом возвращайся обратно в одна такая тело! Моя твори великое вуду! Моя – страшный колдун!

Кейн оглянулся на Черного бога, возвышавшегося над ними в ночи. Потом снова посмотрел на Нлонгу, который протягивал к изваянию руки, словно заклиная обитавшее в нем божество.

«Я вечен, – раздались в мозгу Кейна слова, исходившие, казалось, из уст этого божества. – Кто бы ни находился у власти, мне не приходится жадать. Вожди, убийцы, волшебники... все они проходят мимо меня, бесплотные, словно призраки мертвых, сквозь предрассветные джунгли. Один я по-прежнему стою здесь – и властвую...»

...Кейн толчком вернулся к реальности, вырвавшись из мистических туманов, по которым отправился было путешествовать его разум.

– Ле Лу! – вспомнил он. – Куда скрылся мерзавец?

Нлонга крикнул что-то своим. Добрых двадцать рук сейчас же указали ему направление. Откуда-то вытащили Кейнову рапиру и вернули владельцу. Мистика кончилась: он снова был беспощадным мстителем, призванным искоренять в человеках неправду. Кейн схватил рапиру и помчался по горячему следу с быстротой обозленного тигра.

Глава 5

Конец кровавой тропы

Ветви и цепкие лианы хлестали англичанина по лицу. Испарения тропической ночи клубились удушливым туманом. Луна плыла высоко над джунглями. Яркий серебряный свет и непроглядные тени. Невероятный черно-серебряный узор на земле между деревьями...

Кейн не мог знать наверняка, этим ли путем проследовал человек, за которым он гнался. Но то, что кто-то здесь прошел, причем совсем недавно, не подлежало никакому сомнению. Сломанные ветки, затоптанный мох – все в один голос свидетельствовало: здесь только что промчался беглец. Промчался в спешке, не разбирая дороги.

Кейн летел по следу, не сворачивая ни вправо ни влево. Он верил в справедливость своей мести. Как и в то, что Силы, управляющие людскими судьбами, рано или поздно сведут его лицом к лицу с Ле Лу.

Позади него вновь зарокотали, заухали барабаны. Что за новость в эту ночь разносили они по чаще лесов! О торжестве Нлонги, о смерти царя Сонги, о свержении чужака по прозвищу Глаза-как-у-леопарда... и еще кое о чем гораздо более странном и страшном, о чем даже и барабаны рассказывали приглушенной скороговоркой: о неназываемой магии.

«А может, все это вообще был просто сон? – спрашивал себя Кейн, спеша вперед через лес. – Или какая-нибудь бесовщина?..» Да, он своими глазами видел, как мертвый восстал, убил и умер опять. Неужели Нлонга в самом деле устремил свой дух, свою жизненную сущность вовне, чтобы заставить мертвое тело, труп, исполнять свою волю? Но ведь он действительно умер у столба пыток. А тот, другой, лежавший на алтаре, поднялся и совершил то, что совершил бы сам Нлонга, будь он свободен. А потом, когда иссякла неведомая сила, двигавшая труп, Нлонга ожил!

«Да, – думал Кейн. – С фактами не поспоришь...» Где-то там, в дебрях джунглей и речных протоков, Нлонга, должно быть, натолкнулся на разгадку великой Тайны. Тайны жизни и смерти, Тайны, позволявшей отбросить оковы и ограничения плоти. И каким же образом эта темная мудрость, рожденная в кровавых потемках мрачного континента, была вручена колдуну? Какой жертвой убоготворил он своих черных богов? Какой ритуал оказался достаточно чудовищным, чтобы заставить их выдать бережно хранимый секрет?.. И какие непредставимые путешествия вне времени и пространства предпринимал этот Нлонга, когда научился посылать свое «я» в те пустынные, затянутые туманной дымкой края, что доселе посещали лишь мертвые?..

«В тених – мудрость, – пели у него за спиной барабаны. – Мудрость и волшебство. Войди во тьму и обрети мудрость. Ибо древняя магия избегает солнечных лучей. Стань МУДР, МУДР, МУДР! Мы помним, мы помним, – рокотали барабаны, – мы помним затерянные века, когда человек еще не сделался разумен... и глуп. Мы помним богов-зверей, богов-змей, богов-обезьян, помним и Безымянных, черных богов, тех, что пили кровь, тех, чьи голоса гремели в угрюмых холмах, тех, что пировали и тешили свою плоть. Им принадлежали тайны жизни и смерти. Мы помним, – нашептывали барабаны. – Мы помним, мы помним...»

Все это слышал Кейн, несясь по джунглям вперед. Он отлично понимал все то, что рассказывала песнь барабанов воинам в пернатых уборах, жившим выше по реке. Другое дело, что с ним эти барабаны разговаривали на другом языке, глубинном, не нуждавшемся в словах.

Луна, проплывавшая высоко в полуночной синеве неба, освещала ему путь. И вот, выскочив на очередную поляну, он увидел стоявшего там Ле Лу. Обнаженный клинок в руке Волка казался длинным серебристым лучом. Он стоял, расправив плечи, и прежняя вызывающая улыбка играла у него на губах.

– Долгий путь, месье, – сказал он Кейну. – Подумать только, он начался в горах Франции, а кончается в африканских джунглях! Потому что мне надоела эта игра, месье, и ты умрешь. Только не думай, будто я бежал из деревни, чтобы спастись от тебя. Все дело в дьявольской магии старого сморчка Нлонги, которая потряхнула-таки мои нервы. В чем я охотно и признаюсь. Ну и еще то, что все племя, как я видел, готово было обратиться против меня...

Кейн осторожно приближался, гадая про себя, что за смутная, давно позабытая струнка рыцарства вдруг заговорила в душе насильника и убийцы и заставила его вот так, в открытую, принять вызов. Он наполовину готов был подозревать какую-то ловушку. Он обшарил глазами края поляны, но и его острое зрение не различило в джунглях никакой лишней тени, никакого движения.

– Защищайтесь, месье! – решительно прозвенел голос Ле Лу. – Хватит уже нам плясать друг за дружкой по всему миру! Нам никто больше не помешает: мы здесь одни!..

Двое мужчин сошлись вплотную. Ле Лу ринулся вперед, не договорив фразы. Он сделал стремительный выпад... Человек, не обладавший отменной реакцией, умер бы на месте. Кейн отбил вражеский клинок, и его собственная рапира сверкающей змейкой метнулась вперед, располозовав рубаху Волка, проворно отскочившего назад. Ле Лу ознаменовал свою неудавшуюся хитрость сумасшедшим смешком. И налетел снова – с умопомрачительной скоростью и с яростью тигра. Тонкий клинок в его руках превратился в прозрачный серебряный веер.

Две рапиры мелькали, скрещиваясь и разлетаясь. Лед и пламень сражались на этой поляне. Ле Лу дрался с энергией и хитростью безумца. Его защита была безупречна, сам же он стремился использовать любую возможность, которую предоставлял ему противник. Он метался, точно пламя, он отскакивал и нападал, финтил, колол, отбивал... и при этом хохотал как сумасшедший и непрерывно сыпал проклятиями.

Искусство Кейна было холодно, расчетливо и экономно. Он не делал ни единого лишнего движения – ровно столько, сколько было необходимо. Казалось, он заботится о своей защите куда больше, нежели Ле Лу, но если уж он атаковал, то без раздумий, а если делал выпад, то его рапира летела вперед с быстротой разящей змеи.

Противники стояли друг друга во всех отношениях – и ростом, и силой, и длиной рук. Может, Ле Лу был быстрее – всего на чуть-чуть, на долю мгновения. Зато искусство Кейна было отточенней, совершенней. Взрывные движения Волка напоминали порывы жаркого воздуха из устья раскаленной печи. Руку Кейна направляла скорее холодная мысль, нежели инстинкт. Хотя и он по своей натуре был прирожденным убийцей. Такой бойцовой слаженности движений всего тела нельзя научить – с этим надо родиться.

Выпад, защита, обманный выпад, неожиданный вихрь ударов...

– Ха!.. – возглас торжествующей ярости вырвался у Волка: на щеке пуританина выступила кровь. Казалось, вид крови окончательно превратил Ле Лу в зверя, именем которого называли его люди. Кейну пришлось отступить перед этим кровожадным натиском. Впрочем, пуританин оставался, как и прежде, невозмутим.

Время шло, а в окружении сумрачных джунглей все с той же неослабной энергией лязгала сталь. Теперь противники стояли точно посередине поляны. Ле Лу – без единой отметины, Кейн – щедро попятнанный кровью из порезов на щеке, груди, плече и бедре. Волк свирепо и насмешливо улыбался ему под луной... но в душу бандита постепенно закрадывалось сомнение.

Его дыхание со свистом вырывалось из легких, рука начинала тяжелеть. Из какой же стали и льда был сделан его противник, ничуть не думавший устать?.. Ле Лу отлично знал, что раны, причиненные им Кейну, были вовсе не глубоки. Тем не менее несильное, но постоянное кровотечение уже должно было как-то сказаться на быстроте и выносливости англичанина. Ничуть не бывало! Даже если Кейн и ощущал некоторый упадок сил, он ничем этого

не показывал. Хмурое лицо, как и прежде, ничего не выражало. И дрался он точно с той же холодной, расчетливой яростью, что и вначале.

Ле Лу почувствовал, что слабеет. И собрал иссякающие силы, выплеснув их в единственной атаке. Это была внезапная, неожиданная атака, столь быстрая, что глаз не мог за ней уследить. Безумный взрыв, устоять против которого было не в человеческих силах. И Соломон Кейн пошатнулся впервые с самого начала поединка: холодная сталь вспорола его тело. Он качнулся назад, и Ле Лу бросился следом, торжествуя, с обагренным клинком в руке и издевательской насмешкой на устах...

Рапира Кейна взвилась со всей силой отчаяния и встретила клинок Волка на полдороге. И удержала. А потом вышибла из руки, и торжествующий клич Волка оборвался.

Какое-то мгновение он еще стоял, раскинув руки, словно распятый, а потом его насмешливый хохот прозвучал в последний раз – когда рапира англичанина уже летела вперед, серебрясь в лунных лучах.

...Издали доносилось бормотание барабанов. Кейн механически вытер клинок о собственную изорванную одежду. Вот и добрался он до конца кровавой тропы. Кейн чувствовал внутри себя странную пустоту. Он всегда чувствовал себя так, покончив с врагом. Почему-то ему всегда при этом казалось, что никакого истинного добра от его деяния не произошло. И еще казалось, будто окончательного возмездия убитый враг все-таки избежал.

Разобраться, отчего так, было заведомо невозможно, и Кейн, пожав плечами, обратился к нуждам собственного страдающего тела. Теперь, когда отгорело возбуждение битвы, он ощущал и боль, и слабость из-за потери крови. Последний удар Ле Лу и вовсе чуть было не сделал дел. Если бы Соломон не увернулся в последний момент, рапира Волка насквозь пробила бы ему грудь. А так она просто скользнула по ребрам и глубоко воткнулась в мышцы ниже лопатки. Рана, в общем, неопасная.

Кейн осмотрелся и увидел в дальнем конце поляны небольшой ручеек. И вот тут-то он сделал свою первую и последнюю ошибку подобного рода, единственную за целую жизнь. Может быть, его разум помутила потеря крови, а может быть – вся та цепь потрясающих событий, которые вместила в себя ночь. Как бы то ни было, он положил рапиру наземь и безоружным отправился через поляну к ручью. Там он промыл свои раны и кое-как перевязал их клочками одежды.

Потом он поднялся и собрался уже идти обратно, когда его внимание привлекло некое движение в том конце поляны, откуда он сам прибежал перед поединком. Гигантский силуэт выдвинулся из темноты джунглей, и Кейн распознал поступь неумолимого рока. Это был Гулка, охотник на горилл. Соломон запоздало припомнил, что не заметил великана среди тех, кто воздавал хвалы колдуну. Можно ли было предположить за покатым лбом охотника ту злобную хитрость, которая, оказывается, помогла ему избежать возмездия соплеменников и выследить единственного человека, сумевшего внушить ему страх?..

Видимо, Черный бог был благосклонен к своему почитателю: навел его на жертву, когда та была безоружна и беззащитна. Кто теперь мог помешать Гулке убить его, убить медленно, как это делает леопард? Да, именно так, а не исподтишка, бесшумно и быстро, как он собирался вначале!

Широкий рот расплылся в улыбке, разделив надвое первобытную физиономию. Гигант облизнул толстые губы. Кейн наблюдал за ним, холодно и беспристрастно взвешивая свои шансы. Он видел, что Гулка уже приметил валявшиеся рапиры. И он стоял к ним ближе, чем Кейн. Англичанин понимал, что внезапного броска к оружию ему не выиграть.

В душе его начала разгораться медленная, смертоносная ярость. Ярость отчаяния. Кровь застучала в висках, а глаза, устремленные на чернокожего воина, вспыхнули страшным огнем. Пальцы выпрямились и согнулись, как когти. Руки у Кейна были железные: кое-кому случа-

лось испускать дух, угодив в мертвую хватку пуританина. Как бы и шея Гулки, напоминавшая колонну, не затрещала гнилым сучком... Накатившая волна слабости показала Соломону всю тщету подобных надежд. Ко всему прочему, лунный свет играл на копье, которое держал в руке Гулка. Кейн понимал, что ему не удалось бы даже и убежать. Ну да он ни разу еще не спасался бегством, оказавшись с врагом один на один.

Вот охотник на горилл вышел на открытое место. Мускулистый, жуткий в своей силе, он казался живым воплощением идеалов каменного века. Он улыбался во весь рот, и рот был как пещера. Дикой, уверенной в себе мощью дышала его осанка...

И Кейн приготовился к схватке, у которой мог быть только один исход. Он попытался собрать воедино иссякающие силы... бесполезно: он потерял слишком много крови. Ну что ж, по крайней мере, он встретит свой конец, стоя во весь рост, как подобает мужчине. Он с трудом заставил разогнуться подламывающиеся колени и выпрямился, несмотря на то что поляна кружилась и плыла у него перед глазами, а серебристый лунный свет сменился багровым туманом, сквозь который он едва различал надвигавшийся силуэт.

Поняв, что сейчас потеряет сознание, Кейн нагнулся к ручью (едва при этом не упав), зачерпнул обеими руками воды и плеснул себе в лицо. Это помогло, и он снова выпрямился, надеясь, что Гулка набросится на него без промедления и все кончится прежде, чем слабость уложит его наземь.

Гулка между тем добрался уже до середины поляны. Он не торопился. Он двигался лениво, как огромная кошка, знающая, что добыча все равно никуда уже не уйдет. Он вовсе не торопился сожрать ее как можно скорей. Ему хотелось поиграть со своей жертвой, увидеть, как страх наполнит эти угрюмые глаза, заставившие его отвести взгляд, – а он помнил, что обладатель этих самых глаз был в тот момент привязан к столбу и ожидал смерти. Убить! Но убить медленно, в полной мере утолив свою жажду пыток и крови...

И вдруг совершенно неожиданно для Кейна он замер на месте, а потом, крутанувшись, уставился на что-то по ту сторону поляны. Пуританин, недоумевая, проследил за его взглядом...

Сначала оно показалось ему всего лишь тенью среди теней, быть может, лишь чуть гуще других. Не было ни движения, ни звука, но Соломон нутром ощутил: кошмарная угроза таилась там, во тьме, затопившей подножия лесных великанов. Какой-то чудовищный ужас смотрел оттуда на людей, и Кейну показалось, что нечеловеческие глаза проникали в самую его душу. И в то же время – могло ли такое быть? – страшные глаза смотрели не на него. Их взгляд был направлен только на убийцу горилл.

Гулка тем временем напрочь позабыл о присутствии англичанина. Он стоял полупригнувшись и держа копье наготове, неотрывно глядя на сгусток темноты там, под деревьями. Кейн снова всмотрелся... Теперь он заметил движение. Нечто пошевелилось и вышло на поляну, почти как сам Гулка, медленно перетекая с места на место. Соломону захотелось протереть глаза: уж не было ли это его предсмертным видением?.. То, на что он смотрел, до сих пор представляло ему разве только в страшнейших кошмарах, когда крылья сна уносили его далеко в глубину прошедших веков.

Сначала ему показалось, будто через поляну ковыляла какая-то кошунственная пародия на человека. Она шла на двух ногах и ростом была с высокого мужчину. Но таких объемов и пропорций у человеческого существа никогда не бывало, да и быть не могло. Взять хоть руки, свисавшие чуть не до пят! А уж ноги...

Потом луна осветила морду (или все-таки лицо?) неведомого существа, и тут уж Кейн чуть было не решил, что сам Черный бог восхотел еще крови и надумал пожаловать к ним из лесу во плоти. Нет! Существо было сплошь покрыто шерстью, и тогда-то Соломон припомнил

человекоподобное тело, насаженное на коньковый шест деревенской хижины. Он покосился на Гулку...

Воин не сводил глаз с гориллы, крепко сжимая приготовленное копье. Нет, страха он не испытывал. Его медленный разум всего лишь пытался переварить чудо, приведшее этого зверя в такую даль от его родных джунглей.

А могучий самец шел – нет, шествовал! – через поляну, и все его движения дышали каким-то жутким величием. Кейн стоял к нему ближе Гулки, но, казалось, пуританина зверь попросту не замечал. Маленькие горящие глазки смотрели только на гиганта туземца. Он приближался к нему враскачку, странной походкой, какой у людей не бывает...

Далеко-далеко в ночи нашептывали барабаны – вполне подходящий аккомпанемент этой драмы, достойной каменного века. На середине поляны стоял дикарь, вооруженный копьем, а из джунглей на него надвигалось нечто воистину первобытное, кровожадное, с налитыми кровью глазами. Дикий воин оказался лицом к лицу с созданием еще более диким. И вновь Кейну в уши зашептали призраки воспоминаний: «Ты видел все это раньше. Давно. Очень давно. На рассвете человечества, когда люди и зверолоуды оспаривали первенство на этой земле...»

Гулка начал пятиться прочь – вернее, не пятиться, а отходить вбок, описывая полукруг. Он двигался, низко пригнувшись, копье грозило противнику. Он пустил в ход все свое искусство охотника, чтобы обмануть гориллу и убить самца одним быстрым ударом. Сколько он охотился на горилл, но ни разу еще не встречал подобного чудовища. Страх по-прежнему не было, но некое сомнение все же закралось.

Что касается самца, он даже не пытался маневрировать или хитрить. Он просто шел прямо вперед. Прямо на Гулку.

Откуда было знать чернокожему охотнику, откуда было знать англичанину, оказавшемуся в роли стороннего наблюдателя, о его звериной любви? И о звериной ненависти, погнавшей чудовищного самца за много лиг от лесистых холмов севера, по следу истребителя его племени? По следу убийцы его подруги, чье бездыханное тело свисало теперь с крыши деревенской хижины?..

Конец наступил внезапно. Зверь и полужверь были уже в двух шагах один от другого, когда самец с громовым ревом рванулся вперед. Громадные мохнатые лапы легко отмели в сторону копье, метнувшееся навстречу. Сграбастали... Звук раздался такой, как будто разом переломилась целая охапка ветвей. И Гулка молча осел наземь, чтобы остаться лежать с неестественно раскинутыми руками, ногами и переломанным телом. Самец остался стоять над ним, точно неподвижная статуя какого-нибудь первобытного победителя...

Кейн слышал, как далеко-далеко переговаривались барабаны. «Душа джунглей, душа джунглей...» Эта фраза засела в его сознании, безостановочно повторяясь.

Трое, этой ночью стоявшие во славе перед ликом Черного бога, – что с ними случилось? В далекой деревне, откуда доносились голоса барабанов, мертвым лежал Сонга, царь Сонга, когда-то распорядившийся чужой жизнью и смертью, а ныне сам превращенный в окоченелый труп, с лицом, навеки застывшим в гримасе потустороннего ужаса. А здесь, на поляне посреди глухих джунглей, рухнул навзничь тот, за кем Кейн прошел несчитанные лиги по морю и по суше. И Гулка, охотник на горилл, лежал у ног своего погубителя, лежал, уничтоженный той самой дикой силой, которая делала его истинным сыном своей мрачной страны... которая и свела его наконец в могилу.

«А Черный бог по-прежнему правит, – смутно подумалось Кейну. – Правит, наблюдая за жизнью из неведомых потемок этого беспросветного края, правит, звероподобный, вечно жаждущий крови... и ему все равно, кто будет жить, а кто погибнет, – доколе ему не придется жаждать».

Кейн смотрел на могучего самца, гадая про себя, скоро ли громадная обезьяна обратит на него внимание. И нападет. Но, судя по поведению зверя, тот его вовсе не замечал. Отмщен

ние еще не удовлетворило его. Нагнувшись, он поднял обмякшее тело воина – и поволок его в джунгли. Ноги Гулки безжизненно тащились по земле. Приблизившись к границе леса, самец остановился, без видимого усилия взметнул тело чернокожего великана высоко вверх и швырнул его на торчавшие сучья. Послышался ужасный звук раздираемой плоти: острый конец обломанной ветви пронзил Гулку насквозь. Там он и остался висеть, как смятая кукла.

Облитый лунным серебром громадный самец еще постоял на поляне, молча глядя вверх на своего недруга. Потом беззвучно, как тень, растворился в лесу.

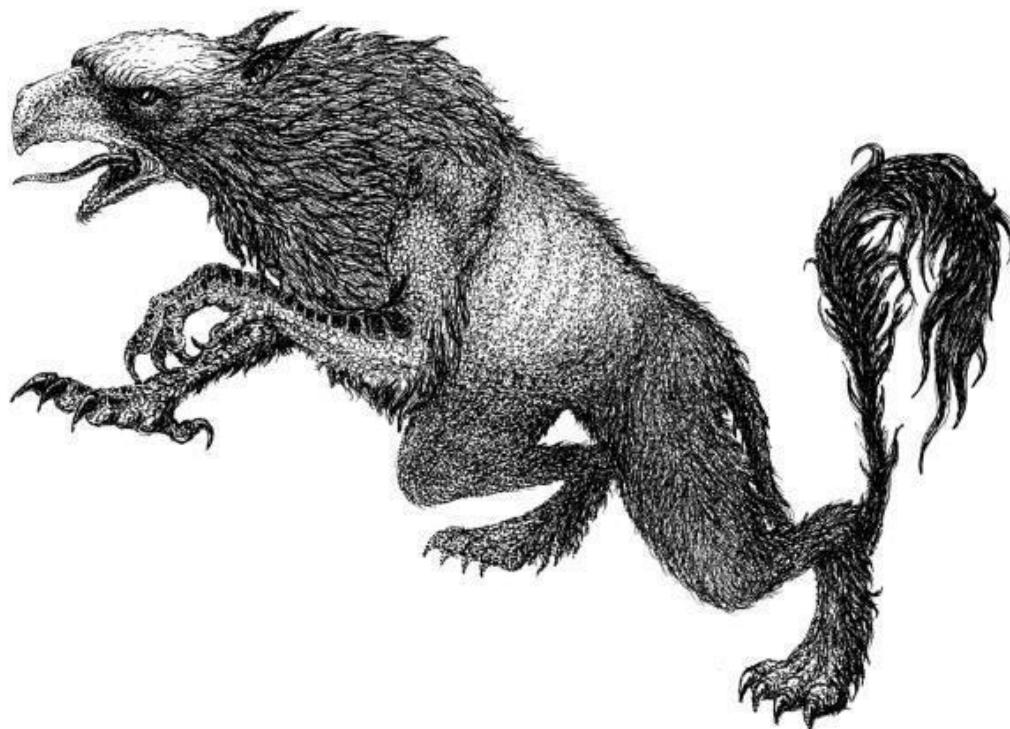
Кейн медленно вышел на середину поляны и подобрал свою рапиру. Кровь из ран больше не шла, и он чувствовал, что силы понемногу возвращаются к нему. По крайней мере, хватит добраться до берега, где его ждал корабль. Он немного помедлил у края поляны, повернулся и посмотрел на белеющее неподвижное тело Ле Лу, на его застывшее лицо, обращенное к небу. И на темный силуэт среди ветвей – бранные останки Гулки, которым звериная прихоть уготовила ту же участь, что и телу самки гориллы...

«Незапамятна мудрость нашей страны, – бормотали вдалеке барабаны. – Темна мудрость нашей страны. Кому мы служим, тех мы и губим. Беги прочь, если намерен остаться в живых. Но песни нашей тебе не позабыть никогда, – говорили они. – Никогда, никогда!...»

И Кейн зашагал по тропе, которая должна была вывести его к морю. И к кораблю, который его там ожидал.

Перевод М. Семеновой

Перестук костей

– Эй, хозяин!..

Зычный оклик нарушил давящую тишину и раскатился по Черному лесу, порождая злое эхо.

– Не больно-то приветливое местечко, – прозвучал второй голос.

Двое мужчин стояли перед дверью таверны, затерявшейся в лесной чаще. Приземистый дом, низкий и длинный, был сложен из тяжеловесных бревен. Маленькие окна были забраны частыми решетками, а дверь заперта. Повыше двери красовалась вывеска, изрядно полинялая, но от этого не менее зловещая: расколотый череп.

Наконец дверь медленно отворилась, и наружу выглянула бородастая физиономия. Потом бородач отступил назад и жестом пригласил посетителей внутрь. Жест казался скорее вынужденным, чем радушным.

Внутри дома обнаружили тлеющий очаг и свеча, мерцавшая на столе.

– Ваши имена? – коротко осведомился хозяин.

– Соломон Кейн, – отвечал тот из двоих, что был повыше ростом.

– Гастон Л'Армон, – столь же немногословно представился второй. – Но что тебе, любезный, до наших имен?

– В Черном лесу проезжие наперечет, – буркнул хозяин. – А вот бандитов – хоть отбавляй. Садитесь вон за тот стол, сейчас поесть принесу.

Мужчины сели за стол. Оба держались с видом бывалых путешественников, одолевших немалые расстояния. Один из двоих был худ и высок, в мягкой шляпе без перьев и аскетически простом черном одеянии, которое еще больше подчеркивало угрюмую бледность не улыбающегося лица. Второй странник выглядел прямой противоположностью первому. Сплошные перья

и кружева – правда, несколько помятые в дороге. Лицо у него было нагло-красивое, а глаза все время бегали, ни на мгновение не оставаясь в покое.

Хозяин поставил на грубо отесанный стол еду и вино и отступил в потемки, сам превратившись в какую-то хмурую тень. Черты его лица то расплывались, поглощенные темнотой, то вырисовывались неестественно ярко, когда на них падал отсвет пламени, метавшегося в камине. Впрочем, борода, гущиной своей скорее напоминавшая звериный мех, все равно не давала толком ничего рассмотреть. Разве только длинный крючковатый нос, нависавший над бородой, да пару красноватых глаз, что следили не мигая за двоими постояльцами.

– Сам ты кто таков? – вдруг спросил его младший из двоих.

– Хозяин таверны «У расколотого черепа», – прозвучало в ответ.

Тон, которым это было сказано, у человека более робкого враз отбил бы всю охоту к дальнейшим расспросам. Л'Армон, однако, ничуть не смутился:

– И много ли народу у тебя останавливается?

– Не многие появляются во второй раз, – проворчал хозяин.

Кейн вздрогнул и прямо посмотрел в маленькие красные глазки, словно угадывая в его словах некий скрытый смысл. Глаза, тлевшие злым огнем, поначалу как будто расширились, но под холодным взглядом англичанина хозяин тут же потупился.

– Я, пожалуй, пойду лягу, – решительно сказал Кейн, приканчивая свой ужин. – Мне завтра рано вставать.

– Мне тоже, – присоединился француз. – Ну, хозяин, показывай наши покои!

И двое отправились вслед за молчаливым хозяином по длинному полутемному коридору, провожаемые непроглядными тенями, корчившимися на стенах. Их провожатый нес в руке маленькую свечку, и оттого казалось, будто его коренастое полное тело расплылось еще больше, отбрасывая длинную угрюмую тень.

Он остановился у одной из дверей, показывая, что им предстояло заночевать здесь. Они вошли. Хозяин зажег в комнате свечку от той, которую принес, и удалился, оставив их наедине. Двое гостей посмотрели сперва кругом, потом друг на друга. Вся обстановка комнаты состояла из двух коек, пары стульев и тяжелого стола.

– Нельзя ли как-нибудь запереть эту дверь? – сказал Соломон Кейн. – Признаться, наш хозяин не внушает мне большого доверия.

– По крайней мере, рейка и ушки для засова здесь есть, – сказал Гастон. – Но где сам засов?

– В конце концов, можно разломать стол и заложить дверь деревяшкой... – задумался Кейн.

– *Mon Dieu!* – вырвалось у Л'Армона. – Как ты, однако, робок, мой друг!

Кейн нахмурился и довольно резко ответил:

– При чем тут робость? Просто не хочу, чтобы меня зарезали спящего!

– Клянусь моей верой! – расхохотался француз. – Ты ведь и меня первый раз видишь. Мы никогда не встречались, пока я не нагнал тебя в лесу нынче вечером, за час до заката...

Кейн покачал головой:

– Ошибаешься. Я где-то видел тебя раньше... но вот где и когда, сказать не берусь. Что же касается нашего хозяина... я не люблю пустых подозрений и всякого человека считаю честным, пока доподлинно не удостоверюсь в обратном. А кроме того, я вообще-то очень чутко сплю. И притом обычно кладу пистолет под подушку...

Француз вновь засмеялся:

– Я и то думаю, как это месье не боится спать в одной комнате с незнакомцем... Ха-ха!.. Ну что ж, друг англичанин, делать нечего, пошли позаимствуем засов в одной из соседних комнат!

И они, взяв с собой свечку, выбрались в коридор. В доме царила полная тишина. Лишь красноватое пламя фитилька недобро подмигивало в густой темноте.

– Других постояльцев здесь нет, не видно и слуг, – пробормотал Соломон Кейн. – Странная таверна... Как бишь она называется? В немецком я не очень силен... ах да! «Расколотый череп». Веселенькое название...

Они заглянули в комнаты, соседние с их собственной, но не нашли ни одного засова, который можно было бы вытащить. Продолжая поиски, они добрались до самой дальней из комнат, расположенной в конце коридора. В отличие от других эта дверь была заперта снаружи с помощью тяжелого бруса, вставленного одним концом в паз на стене. Путешественники вынули брус и вошли внутрь.

– Здесь полагалось бы быть окну наружу, но его нет, – пробормотал Кейн. – Смотри!

Комната была обставлена в точности как другие, но пол ее покрывали зловещие потеки. Стены и одна кровать были изрублены буквально в щепки.

– Да здесь, я смотрю, людей убивали! – хмуро заметил Кейн. – А вон там – что это такое? Щеколда, приделанная прямо к стене?..

– И крепко приделанная, – подтвердил француз, подергав запор. – Она...

Но тут целый кусок стены отошел в сторону наподобие двери, и у Гастона вырвалось невнятное восклицание. Перед ними предстала маленькая потайная комната. Двое мужчин склонились над жуткими останками, лежавшими на полу.

– Человеческий скелет! – определил Гастон. – Смотри, да он за ногу к полу прикован! Его заточили здесь, беднягу, и держали, пока он с голодухи не помер!

– Нет, – сказал Кейн. – Видишь, у него череп расколот. Ох, сдается мне, неспроста наш хозяин дал своему адскому заведению такое название! Думается, этот несчастный был путешественником вроде нас, которому довелось угодить в лапы к чудовищу...

– Похоже, – согласился Гастон, впрочем, без всякого интереса. От нечего делать он попытался стащить железное кольцо с ножных костей скелета. Это ему не удалось, и тогда, вытащив меч, он одним замечательно сильным ударом рассек цепь, соединявшуюся со вторым кольцом, глубоко вделанным в бревна пола. – И на что ему понадобилось приковывать к полу скелет? – задумчиво проговорил француз. – *Mon Dieu!* Хорошая цепь, могла бы для какого дела сгодиться. Ну что ж, месье! – иронически обратился он к белевшей на полу кучке костей. – Я освободил вас, ступайте, куда пожелаете!

– Оставь! – неодобрительно прозвучал низкий голос Кейна. – Насмешки над мертвыми не доводят до добра!

– Никто не мешает мертвому постоять за себя, – засмеялся Л'Армон. – Что до меня, я, право, не знаю как, но уж как-нибудь да убил бы человека, отнявшего у меня жизнь! Хотя бы мне для этого пришлось подниматься с океанского дна!..

Кейн прикрыл за собой дверцу потайной комнаты и направился к выходу. Ему никогда не нравились подобные разговоры, отдававшие ведовством и бесовщиной. К тому же он собирался без промедления призвать хозяина таверны к ответу за преступление, когда-то совершенное в этих стенах. Но едва он повернулся к французу спиной, как его шею коснулась холодная сталь. И он понял, что ему уперлось в основание черепа дуло пистолета Л'Армона.

– Стоять смирно, месье! – прозвучал тихий вкрадчивый голос. – Стоять смирно, а не то твои небогатые мозги разлетятся по стенкам...

Что оставалось пуританину? Только внутренне кипеть, стоя с поднятыми руками. Л'Армон тем временем деловито вытащил пистолеты Кейна и забрал его рапиру.

– Теперь можешь повернуться, – сказал Гастон и отступил прочь.

Кейн повернулся и вперил мрачный взгляд в щеголя: тот стоял с непокрытой головой, держа в одной руке шляпу, а другой направляя на него длинноствольный пистолет.

– Гастон по прозвищу Мясник! – хмуро проговорил англичанин, вспомнив наконец, где он видел это лицо. – Ты прав, я полный дурак: вздумал доверяться французу!.. А ты далеко забрался, душегуб. Теперь, когда ты снял свою широкополую шляпу, будь она неладна, я тебя признал. Я тебя видел в Кале несколько лет назад...

– Точно. Зато теперь ты меня больше никогда не увидишь, потому что... Э, а это еще что такое?

– Крысы заинтересовались скелетом, – сказал Кейн. Он смотрел на бандита ястребом, ожидая, чтобы у того хоть на мгновение дрогнула рука, державшая пистолет. – То, что ты слышал... просто перестук костей.

– Да, похоже, – согласился Гастон. – А теперь вот что, месье Кейн. Я знаю, что у тебя с собой кругленькая сумма денег. Я собирался подождать, пока ты заснешь, и тогда уже прикончить тебя. Но случай представился несколько раньше, и я поспешил им воспользоваться. Благо обмануть тебя оказалось проще простого...

– Мне и в голову не приходило опасаться человека, с которым я преломлял хлеб, – ответил Кейн, и в голосе его прозвучали нотки разгарающейся ярости.

Грабитель бесстыдно расхохотался. Потом прищурил глаза и начал медленно отступать к наружной двери. Кейн непроизвольно напрягся всем телом, подобравшись, точно волк перед прыжком. Увы! Рука Гастона была тверда, и черное дуло продолжало неотступно следить за пуританином.

– И чтобы мне никаких предсмертных бросков после выстрела, месье, – сказал Гастон. – Стоять смирно, говорю! Я видел, как умирающие еще умудрялись убить, и собираюсь отойти на достаточное расстояние, чтобы этого не произошло. Клянусь верой! Я выстрелю, и ты, конечно, взрвешься и бросишься, да только помрешь прежде, чем успеешь до меня дотянуться. А у нашего дражайшего хозяина в потайном чулане прибавится еще один скелет, ха-ха. Ну, то есть, конечно, если я сам его не грохну. Этот идиот не знает меня, а я его и подавно, но тем не менее...

Француз уже стоял в дверях и целился в Кейна из пистолета. Свеча, прилепленная в стенной нише, озаряла комнату неверным мерцающим светом, едва достигавшим порога. И вот оттуда, из темноты, со смертоносной внезапностью выросла огромная расплывчатая тень и сверху вниз устремилось блестящее лезвие. Француз грохнулся на колени, и из разрубленного черепа хлынул мозг. Над ним, громоздкий и жуткий, возвышался хозяин таверны. В руках у него был окровавленный тесак, отнявший жизнь у Л'Армона.

– Хо-хо!.. – проревел он, обращаясь к пуританину. – А ну назад!..

Кейн прыгнул вперед при виде падающего Гастона, но хозяин ткнул ему прямо в лицо длинным пистолетом, зажатым в левой руке.

– Назад!.. – снова прозвучал звериный рык.

Делать нечего, Кейн попятился прочь. Оружие было нешуточное, да и красные глазки горели опасным безумием. Отступив, англичанин стоял молча, чувствуя, как бегут по спине мурашки. Он уже понимал, что новый враг окажется куда грозней и смертоносней француза. Хозяин таверны слегка покачивался из стороны в сторону, точно поднявшийся на дыбы лесной зверь, и смеялся каким-то мертвящим, нечеловеческим смехом.

– Гастон Мясник, хо-хо! – крикнул он и пнул мертвеца, валявшегося у его ног. – Нашему красавцу разбойнику не придется больше охотиться! Хо-хо, слышал я про этого недоумка, вздумавшего шалить в Черном лесу! Искал золотишко, а нашел смерть!.. Теперь оно все мое, твое золото!.. И больше чем золото – месть!..

– Что до меня, то я тебе не враг, – спокойно проговорил Кейн. – За что мне мстить?

– Врешь! Все люди – мои враги! – раздалось в ответ. – Вот, полюбуйся на эти отметины у меня на руках! И на ногах!.. Это от кандалов!.. А что, по-твоему, у меня на спине? Поцелуй

кнута! А в голове? В голове тоже раны, причиненные долгими годами в холодном темном застенке, где я отсиживал за преступление, которого не совершал!..

Его голос сорвался и перешел в безумное, отвратительное рыдание. Кейн промолчал. Ему не раз уже приходилось встречать людей, чей рассудок был сломлен ужасами тюрем Старого Света.

– Но я бежал!!! – внезапно с торжеством завопил хозяин таверны. – И объявил войну всем остальным людям... О! Что это?..

И Кейн спросил себя, не померещился ли ему проблеск страха в глазах сумасшедшего.

– Да никак мой колдун костями постукивает!.. – прошептал хозяин таверны, но тут же снова безумно захохотал. – Он поклялся, умирая, что самые кости его подстроят мне смертельную ловушку. Вот я и приковал к полу его скелет, а теперь слушаю глухими ночами, как он стучит костями и звенит цепью, пытаюсь освободиться! И я смеюсь, смеюсь, хо-хо!.. Уж так ему охота восстать и прогуляться по темным коридорам, точно старый Царь Смерть, и прийти, когда я сплю, и убить меня прямо в кровати!..

Безумный взгляд вдруг яростно вспыхнул.

– Вы двое, ты и этот мертвый дурак, вы заходили в ту комнату! Он говорил с вами?

Кейн содрогнулся помимо собственной воли. И подумал, что либо и сам начал сходить с ума, либо из-за двери действительно послышался перестук костей, как если бы скелет слегка пошевелился. Кейн передернул плечами, сказав себе, что крысы, случается, играют старыми костями, не пригодными в пищу.

А хозяин гостиницы уже вновь хохотал. Он обошел Кейна кругом, продолжая при этом держать его на мушке, и свободной рукой отворил дверь. Там, внутри, лежала плотная тьма. Такая плотная, что Кейн не сумел рассмотреть даже кости, белевшие на полу.

– Все люди – мои враги!.. – бубнил хозяин гостиницы. Речь его была бессвязна, как это часто случается у сумасшедших. – А зачем бы мне кого-то щадить? Кто хоть палец о палец ударил, чтобы меня выволить, пока я гнил в мерзких подземельях Карлсруэ... и за что? Ни за что... Они ведь так ничего и не доказали... Тогда-то у меня и началось с головой. Я стал как волк... Я побратался с волками Черного леса и удрал к ним, когда вырвался из тюрьмы. Ох и попиروвали же они, мои братцы, всеми теми, кто останавливался здесь в таверне... Всеми, кроме одного русского колдуна – это он гремит костями там, в темноте. Для того-то я и оголил его кости и посадил их на цепь, чтобы мертвое тело не явилось по мою душу среди ночи, когда тьма окутывает мир... Чтобы не явилось и не убило меня, ведь кто ж справится с мертвецом! У него не хватило колдовской силы, чтобы спастись от меня, но все знают, что мертвый колдун еще хуже живого... Не двигайся, англичанин! Я спрячу твои кости здесь, в тайном чулане, рядом с костями волшебника, чтобы...

Безумец уже стоял одной ногой на пороге потайной комнаты, и дуло его оружия по-прежнему смотрело на Кейна. Внезапно какая-то сила опрокинула его назад, увлекая в темноту; неведомо откуда взявшийся порыв ветра захлопнул за ним дверь. Свеча в стенной нише мигнула и погасла. Кейн принялся шарить руками по полу и нашел пистолет. Поспешно выпрямившись, он обратился лицом к двери, за которой исчез сумасшедший. Кейн стоял в полной темноте, чувствуя, как леденеет в жилах кровь: из-за двери доносились страшные придушенные крики. И жуткий сухой перестук оголенных костей... Потом все затихло.

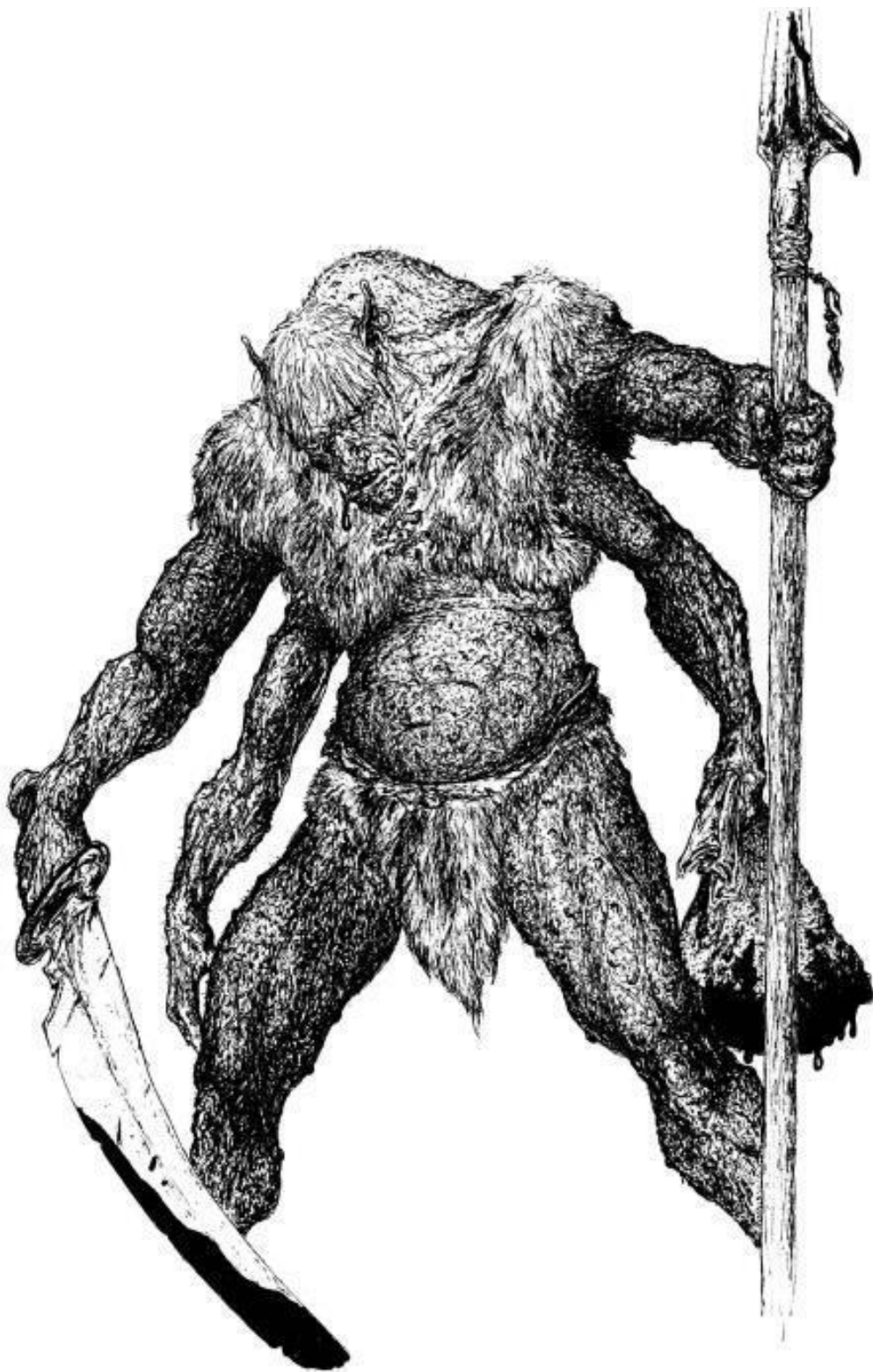
Кейн разыскал кремень и кресало и заново растеплил свечу. Взяв ее в одну руку, а в другую пистолет, он осторожно отворил потайную дверь...

– Боже все милостивый!.. – вырвалось у него, а по телу побежали ручейки холодного пота. – Поистине это превосходит всякое разумение, но я вижу это своими глазами!.. Вот и исполнились клятвы обоих погибших!.. Ведь Гастон Мясник обещал, что даже и после смерти оплатит своему убийце. Так оно и вышло, потому что это его рука освободила чудовище, которое...

Хозяин таверны «У расколотого черепа» лежал мертвым на полу потайного чулана, и на зверином лице его застыло выражение непередаваемого ужаса. Шея у него была сломана, а в плоть глубоко вмялись костяшки скелета, когда-то принадлежавшего колдуну...

Перевод М. Семеновой

Луна черепов

Глава 1

Приход ищущего

Гигантская мрачная тень зловеще нависала над джунглями, врубаясь черными зубьями в алый пламень заката. Человеку, устало шагавшему по лесной тропе, она казалась сущим символом смерти и ужаса, исполненным невнятной, но от этого еще более страшной угрозы. Такова тень крадущегося убийцы, упавшая на освещенную стену...

И все же это была всего лишь тень высокого скального кряжа; первый форпост угрюмых предгорий, куда держал путь одинокий странник. Добравшись к подножию скал, человек немного помедлил, глядя вверх, на черные громады, вздымавшиеся на фоне гаснувшего солнца. Он мог бы поклясться, что, глядя из-под руки, заметил некое движение наверху. Однако свет меркнувшего зарева бил прямо в глаза, и он не был твердо уверен, что же именно двигалось там, на вершине утеса. Был ли то человек, мгновенно отступивший в укрытие? Или...

Странник пожал плечами и обратил взор на едва намеченную крутую тропу, что уводила вверх и исчезала за гребнем. На первый взгляд вскарабкаться по ней смог бы разве только горный козел. При ближайшем рассмотрении, однако, обнаружились многочисленные ямки, вырубленные в камне и вполне подходившие для человеческих пальцев. Путешественник проследил их взглядом и понял, что подъем потребует предельного напряжения всех сил. Что ж, пускай. Не затем он одолел тысячу миль, чтобы теперь отступать.

Без долгих раздумий он сложил наземь неуклюжий мушкет и большую сумку, которую нес на плече. Он возьмет с собой лишь длинную рапиру, кинжал и один из пистолетов. Человек привязал оружие за спину и полез вверх, ни разу не оглянувшись на залитую сумерками тропу, по которой пришел.

Путешественник был жилистым и рослым мужчиной, у него были длинные руки и железные мускулы, но даже и ему приходилось время от времени останавливаться, давая себе передышку. В такие мгновения он повисал на отвесном утесе, прилипая к нему с цепкостью муравья. Темнота быстро сгущалась, и скала над головой вскоре стала казаться ему сплошным темным пятном. Он вслепую обшаривал камень руками, ощупью разыскивая зацепки для пальцев. И упрямо поднимался все выше.

Далеко внизу, под ним, уже подавала голос ночная жизнь джунглей. Человек на скале не мог отделаться от мысли, что голоса ночных тварей звучали пугливо и приглушенно. Как если бы объятые тьмой горы в самом деле распространяли вокруг себя ауру молчаливого ужаса, ауру, внятную даже бессловесным созданиям...

Путешественник упорно лез вверх. Макушка утеса была уже недалеко, когда, словно бы в насмешку над его усилиями, скала из просто отвесной сделалась нависающей и напряжение каждого нерва, каждой мышцы стало поистине запредельным. Время от времени пальцы человека соскальзывали, и лишь чудо удерживало его от падения. Но каждая жилка худого крепкого тела послушно делала свое дело, а железные пальцы обладали силой тисков. Уклон все увеличивался, и скалолаз двигался все медленнее. Но упорство не изменяло ему, и наконец на фоне звездного неба он разглядел гребень утеса в каких-то семи футах над своей головой.

И вот тут, пока он смотрел, какой-то темный бесформенный силуэт заслонил над ним звезды, а потом... обрушился вниз и полетел прямо на него, с шумом рассекая воздух. Человек распластался по скале, вжимаясь в камень и покрываясь гусиной кожей в предчувствии неминуемой смерти. Он ощутил тяжелый удар в плечо – всего лишь скользящий удар, но такой, что его едва не сбросило вниз. Отчаянно изворачиваясь, чтобы удержаться, он услышал удаляющийся шум падения... и наконец гулкий грохот удара камня о камень глубоко под ногами. Человек вновь поднял голову и посмотрел вверх. Лоб его усеяли капли холодного пота. Кто

или что сбросило с утеса этот громадный валун? Странник отличался завидным мужеством, которое могли бы подтвердить кости многочисленных врагов, сраженных им на полях битв. Но умереть как беспомощная овца, не имея ни малейшей возможности сопротивляться?.. От этой мысли даже у него поневоле стыла кровь в жилах.

Но почти сразу на смену страху неудержимой волной хлынула ярость, и человек не пополз – прямо-таки ринулся вверх, почти не заботясь о безопасности. Каждый миг он ожидал, что на голову ему вот-вот свалится еще один камень, но, как ни странно, этого не произошло. Когда он выскочил наверх и встал во весь рост, выхватывая шпагу из ножен, его ищущий взгляд не обнаружил на утесе никаких признаков жизни.

Он стоял на своего рода плато, которое примерно в полумиле далее к западу переходило в весьма пересеченную, всхолмленную равнину. Кряж, только что им покоренный, подобно скальному мысу выдавался из остального нагорья. Колеблющаяся листва джунглей, оставшихся внизу, с высоты казалась морем, таинственным и темным, одетым непроницаемым покрывалом тропической ночи...

А здесь, наверху, царствовала тишина. Ничто не нарушало ее. Ни ветерка в воздухе, ни возни живых существ в корявых кустах, одевших плато. Но ведь не сам же собой свалился тот камень, едва не увлекший скалолаза навстречу гибели! Что за твари обитали здесь, меж угрюмых холмов? Тропическая тьма показалась путешественнику густой вуалью, сквозь которую зловеще проглядывали желтоватые звезды. Гнилостные испарения поднимались из джунглей, осязаемые, словно плотный туман. Скривившись, путешественник отошел прочь от обрыва и направился вперед, через плато, держа в одной руке рапиру, а в другой – пистолет.

Ему было не по себе. В самом воздухе витало нечто, безошибочно говорившее ему: за тобой наблюдают. Шаг у человека был мягкий, как у кота, и глубокую тишину нарушало лишь негромкое шуршание высокой горной травы. И все-таки шестое чувство подсказывало путешественнику, что незримые существа окружали его со всех сторон, скользя и впереди, и за спиной, и с обеих сторон. Люди? Звери?.. Он не знал, да и не особенно задавался этим вопросом. Он был готов драться хоть с человеком, хоть с дьяволом, если бы тот вздумал встать у него на пути. Порою он останавливался и с вызовом озирался вокруг, но ничто не попадалось ему на глаза. Кругом были только кусты. Они обступали тропу, словно темные призраки-недомерки, поодаль же сливались в сплошную черную массу. Темнота была жаркой и душной. И такой же вещественной, как и тишина. Лучи звезд с трудом пронизывали ее.

Наконец путешественник добрался до места, где снова начинался подъем. Здесь на глаза ему попала небольшая рощица, казавшаяся глыбой тьмы в окружавших потемках. Человек осторожно направился в ту сторону, потом остановился. Его зрение, успевшее привыкнуть к темноте, различило между темными стволами какой-то расплывчатый силуэт, явно не принадлежавший дереву. Странник помедлил... Силуэт оставался неподвижен. Он не пробовал приблизиться, но и не бежал. Неясная угроза исходила от него; он таился, словно бы выжидая. Жутью веяло от деревьев, замерших в темноте...

Путешественник двинулся вперед, держа клинок наготове. Ближе. Еще ближе... Он изо всех сил напрягал зрение, стараясь уловить первое же угрожающее движение. Силуэт казался ему определенно человеческим, удивляла лишь полная его неподвижность. Еще несколько шагов, и все прояснилось. Перед ним действительно был человек. Мертвый. Чернокожий. Он стоял между деревьями, пронзенный множеством копий, пригвоздивших его к ближайшим стволам. Одна рука была вытянута в повелительном жесте, прямо вперед, вдоль длинной ветки, и ее удерживал кинжал, пробивший запястье. Окоченевший указательный палец торчал, как сучок. Мертвец словно бы указывал простертой рукой. Указывал назад по тропе, по которой пришел человек.

Смысл послания был совершенно ясен. Впереди ожидала смерть. Другого значения быть не могло.

Путешественник, созерцавший жуткое предупреждение, вообще-то улыбался редко. Однако тут уж он позволил себе нечастую роскошь: скривил губы в сардонической ухмылке. Одолеть тысячи миль по суше и по морю! Пересечь океан, пройти дикие джунгли!.. И после этого они – кто бы «они» ни были – вообразили, будто он испугается и побежит назад, завидев какое-то пугало!..

Он справился с искушением отдать салют мертвецу (по зрелом размышлении этот жест показался ему не вполне пристойным и благородным) и двинулся дальше через рощицу, по-прежнему ожидая, что на него вот-вот нападут – либо сзади, либо из засады, но нападут непременно.

И опять его ожидания не сбылись. Выйдя из рощи, он увидел перед собою кочковатый подъем – первый склон, за которым должны были последовать и другие.

Человек с завидным упорством двинулся вверх и вперед. Он не стал останавливаться, чтобы поразмыслить о том, насколько удивительны были его действия с точки зрения здравого смысла. И то сказать: любой нормальный человек заночевал бы у подножия утесов, даже и не думая карабкаться по ним впотьмах. Но путешественник, о котором здесь идет речь, менее всего привык руководствоваться обыденным здравомыслием. Завидев перед собой цель, он двигался к ней кратчайшим путем, даже не думая о возможных препятствиях и уж менее всего считаясь с такой мелочью, как время суток. То, что надлежало сделать, должно было быть сделано. Точка. Если сумеркам было угодно застигнуть его на самых подступах к стране ужаса, не закономерно ли, что в ее внутренние пределы он внедрится в самый глухой ночной час?..

Пока он шагал по усеянному валунами горному склону, взошла луна. В ее таинственном свете изломанные горы впереди стали казаться зубчатыми бастионами колдовских замков. Впрочем, путешественник редко отрывал глаза от еле видной тропы, которой по-прежнему придерживался. Он был готов ко всему: к неожиданному нападению, к новому валуну, несущемуся навстречу по склону...

Естественно, произошло то, чего он вовсе не ожидал.

Из-за громадной скалы выступил человек. Эбеновый гигант, облитый серебристым светом луны, с длинным копьем, поблескивавшим в мускулистой руке. Пышный убор из страусовых перьев казался облачком, колыхавшимся над головой. Он величественно поднял копье, приветствуя незнакомца, и заговорил на диалекте речных племен:

– Эта земля не принадлежит белому человеку. Как называют моего белого брата в его родном краале? И зачем он пришел сюда, в Страну черепов?

– Мое имя – Соломон Кейн, – на том же языке ответил ему белый. – Ищу же я царицу вампиров, обитающую в Негари.

– Не многие ищут ее. Еще меньше тех, кто находит. И ни один не вернулся, – прозвучали в ответ таинственные слова.

– Не проводишь ли ты меня к ней? – спросил Соломон Кейн.

– В правой руке у тебя – длинный кинжал. Но здесь нет львов.

– Змея сдвинула камень, когда я сюда поднимался. Вот я и решил, что в кустах, должно быть, полно змей...

Засим обмен двусмысленностями завершился. Губы чернокожего гиганта тронула мрачная усмешка. Воцарилась недолгая тишина.

– Твоя жизнь у меня в руках, – сказал он затем.

Кейн холодно улыбнулся в ответ:

– В моей руке – жизни многих воителей.

Взгляд чернокожего скользнул по мерцающему клинку англичанина, и в глазах его отразилась некоторая неуверенность. Но потом он пожал могучими плечами, и древко его копья опустилось к земле.

– Ты не принес с собой даров, – проговорил он. – Но если ты последуешь за мной, я отведу тебя к Ужасной, к Владычице Судеб, к Алой Госпоже – к царице Накари, правящей страной Негари!

И он отступил в сторону, жестом пропуская англичанина вперед. Но Кейн сразу подумал о коварном ударе копьем в спину и покачал головой:

– Кто я такой, чтобы идти впереди моего брата? Мы оба вожди, так пойдем же бок о бок.

В глубине души он был до крайности возмущен тем, что приходилось разводить подобную дипломатию с дикарем, но по его лицу этого нельзя было заподозрить. Чернокожий воитель отдал поклон, исполненный варварского достоинства, и они вместе зашагали вверх по тропе, не произнося более ни слова. Краем глаза Кейн то и дело замечал воинов, выходящих из укрытий. Украдкой бросив взгляд назад, он обнаружил, что за ними следовало не менее сорока воинов, выстроенных двумя клиньями. Лунный свет играл на их лоснящихся черных телах, озарял высокие головные уборы, блестел на длинных, зловещего вида наконечниках копий.

– Мои братья похожи на леопардов, – учтиво сказал Кейн своему спутнику. – Самый зоркий глаз их не заметит, когда они таятся в кустах. Когда же они крадутся в высокой траве, самое чуткое ухо не расслышит их приближения.

Чернокожий вождь оценил комплимент и с достоинством наклонил львиную голову, отчего страусовые перья его убора тихонько зашелестели.

– Горный леопард вправду доводится нам братом, о вождь. Наша походка как плывущий дымок, но руки наши – железо. Когда они наносят удар, льется алая кровь и умирают мужи.

Кейн уловил в его голосе едва различимую нотку угрозы. Нет, весомых оснований для подозрения у него не было, но что-то нехорошее определенно присутствовало. На всякий случай он решил помолчать, и некоторое время странный отряд двигался вперед в полной тишине, напоминая в лунном свете шествие призраков.

Тропа между тем становилась все каменистей и круче. Она петляла между скальными кряжами, огибая чудовищные валуны. Потом, совершенно неожиданно, впереди разверзся бездонный провал. Через него был перекинут каменный мост, сотворенный самой природой. Приблизившись ко входу на мост, вождь остановился.

Кейн с любопытством заглянул в пропасть. В ширину она была футов сорок, а вот глубину ему не удалось оценить даже приблизительно. Там, внизу, не иначе как на сотни футов простиралась непроглядная тьма. На другой стороне мрачно высились неприступные скалы.

– Здесь, – сказал вождь, – протекает истинная граница царства Накари...

От Кейна не укрылось, что воины, этак ненавязчиво, все плотнее подступали к нему. Инстинктивно Соломон крепче сжал рукоять рапиры, которую он, между прочим, так и не убрал в ножны. Он всей кожей ощущал повисшее в воздухе напряжение.

– Здесь, – продолжал вождь, – тому, кто не принес Накари подарка, говорят – УМРИ!!!

Последнее слово вырвалось у него жутким криком, точно заклинание, произнеся которое человек превращался в безумного маньяка. Крик еще звучал, когда могучая рука метнулась назад. Вздупались плотные узлы мышц, и длинное копьё устремилось прямо в грудь Кейну!

От подобного удара мог спастись только прирожденный боец. Реакция Кейна была чисто инстинктивной и потому мгновенной. Он успел отшатнуться, и широкое лезвие лишь коснулось его ребер. Рапира вспыхнула в лунном луче, нанося ответный удар. Она поразила насмерть какого-то воина, выбравшего именно этот момент, чтобы сунуться между ним и вождем.

В следующий миг вокруг него заметался вихрь сверкающих копий. Отражая одни и уворачиваясь от других, Кейн вскочил на узенький каменный мост. Теперь они могли нападать на него только по одному.

Быть первым никому как-то не захотелось. Они сгрудились на краю пропасти, стараясь дотянуться до Соломона копьями. Стоило ему отступить, и они подавались вперед, когда же он делал выпад – черное воинство проворно откатывалось назад. Их копья были, конечно, гораздо

длиннее его рапиры, но отточенное мастерство фехтовальщика, помноженное на холодную ярость атаки, до некоторой степени уравнивало силы.

Так они раскачивались взад и вперед, когда из толпы воинов вырвался черный великан и, словно дикий буйвол, устремился на мост, пригибаясь и низко неся копье. В глазах его тлели безумные огоньки. Кейну пришлось отскочить назад. Потом еще раз, чтобы уйти от копья и одновременно поймать момент для удара рапирой. Подавшись в сторону, он едва не потерял равновесия на краю моста; внизу его ждала вечность. Чернокожие воины торжествующе взвыли, глядя, как он старается удержаться. Гигант с копьем испустил громовой рык и ринулся на пошатнувшегося врага.

Кейн отбил удар, пустив в ход всю свою силу. Он еще не восстановил равновесия, так что это был подвиг, для большинства фехтовальщиков непосильный. Он увидел наконечник копья, мелькнувший мимо щеки, и почувствовал, что спиной вперед валится в бездну. Отчаянное усилие, мгновенное движение руки – и он ухватился за древко копья, а в следующий миг проткнул соперника насквозь. Из раскрытого в крике рта вырвался фонтан крови. Последним усилием, умирая, чернокожий всем весом обрушился на победителя. Увернуться еще раз было уже не в человеческих силах. Враги вместе перевалились через край и, не издав ни звука, растворились во тьме, затопившей провал.

Все это произошло настолько быстро, что ошарашенные воины замерли на местах. Торжествующий рык великана еще не успел отзвучать, когда оба провалились во мрак. Постепенно оправившись, туземцы взошли на мост и склонились над бездной, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть или расслышать. Но внизу было темно, и со дна пропасти не доносилось ни звука.

Глава 2

Народ крадущейся смерти

Летя вниз, Кейн все-таки не потерял головы и повиновался не страху, а все тому же воинскому инстинкту. Он извернулся в воздухе, чтобы, когда полет завершится – через десяток футов или через тысячу, какая разница, – между ним и землей оказался сраженный им человек.

Они ударились о твердь неожиданно и гораздо скорее, чем ожидал англичанин. Наполовину оглушенный, какое-то время он лежал неподвижно, потом поднял голову и посмотрел вверх. Он смутно различил узкий мост, пересекавший полоску звездного неба, видимого из пропасти, и на нем – силуэты воинов, посеребренные лунным светом и странно укороченные необычной перспективой. Кейн лежал неподвижно, зная, впрочем, что луна еще не проникла в скрывавшую его глубину, а стало быть, смотревшие сверху не могли его разглядеть. Все-таки он дождался, чтобы они убрались с глаз, и только тогда начал оглядываться, оценивая свое положение. Соперник его был мертв. Пролетели же они, как выяснилось, немало: если бы не труп, смягчивший удар, быть бы мертвым и Кейну. Он и так был порядком разбит и весь в синяках.

Первым делом англичанин извлек из мертвого тела рапиру, благодаря Творца за то, что она оказалась не сломана, потом начал шарить впотьмах вокруг себя. Рука его натолкнулась на какой-то уступ, за которым, похоже, зиял новый обрыв. Он-то вообразил, будто свалился на самое дно провала и жуткая глубина была только кажущейся; было, однако, больше похоже на то, что они застряли на выступе утеса, пролетев только часть пути. Кейн бросил вниз маленький камешек. Звук удара раздался спустя долгое, долгое время – и был едва слышен.

С превеликим трудом соображая, что же делать дальше, Кейн вытащил из поясного кошелька кремень и кресало, приготовил толику трута и высек огонь, который тут же опасливо прикрыл руками от постороннего глаза. Крохотное пламя озарило широкий уступ, выдававшийся из скальной стены. Располагался уступ со стороны холмов, то есть там, куда Кейн и стремился. Он обнаружил также, что упал на самый его край – неосторожное движение вполне могло увлечь его вниз.

Скрючившись на камнях и стараясь вновь приучить глаза к кромешному мраку, Соломон Кейн внимательно приглядывался к некоей тени, черневшей на фоне стены. Когда он подобрался поближе, тень оказалась проходом, причем достаточно высоким и широким, чтобы туда не стигаясь мог проникнуть человек. «Пещера», – решил Кейн. Внутри лаза было темно как в могиле, и впечатление он производил более чем зловещее. Тем не менее англичанин решительно двинулся внутрь – сперва посвечивая себе тлеющим комком трута, а потом, когда трут догорел, – ощупью.

Естественно, он не имел ни малейшего понятия относительно того, куда выведет его этот проход. Да какая разница – всякое действие лучше, чем просто сидеть там и ждать, пока да горные стервятники расклюют его кости!..

Он довольно долго шел вперед, ощущая, как постепенно уводит все выше каменный пол пещеры. Местами ему приходилось карабкаться, спотыкаясь, скользя и съезжая. Пещера, похоже, попалась обширная. Время от времени Кейн вытягивал руку над головой, но коснуться потолка так и не смог. Не мог он дотянуться свободной рукой и до противоположной стены.

Наконец пол выровнялся, и Кейн чутьем ощутил, что пещера еще увеличилась в объеме. Тьма осталась прежней, зато воздух явно сделался менее спертым. Неожиданно Кейн насторожился и замер на месте: откуда-то спереди доносилось непонятное, неописуемое словами шуршание. А потом... потом, без всякого предупреждения, что-то ударило его по лицу и принялось бешено хлестать. Тьма наполнилась шорохом множества маленьких крыльев, и Кейн улыбнулся: криво, с облегчением, весело и вместе с тем огорченно. Летучие мыши! Ну конечно

же... Пещера ими буквально кишела. Другое дело, они его, как ни крути, изрядно перепугали. Шагая вперед под шорохи тысяч крыльев, отдававшиеся под сводами громадной пещеры, Соломон Кейн допустил в свое пуританское сознание удивительную мысль: а не могло ли случиться так, что он некоторым образом забрел напрямик в преисподнюю? И эти мечущиеся существа – вправду ли это летучие мыши или, может быть, заблудшие души, обреченные вечно носиться в непреходящей ночи?..

«Что ж, – сказал себе Соломон Кейн. – В таком случае я, верно, скоро набреду и на самого сатану!...»

...И стоило ему подумать об этом, как в ноздри ударил омерзительный, отталкивающий запах разложения. Чем далее англичанин продвигался вперед, тем сильнее делался смрад. Кейн вовсе не был любителем сквернословить по всякому поводу, но тут уж и он начал тихо ругаться. Он чувствовал, что несносная вонь означала какую-то скрытую опасность, незримое зло, столь же нечеловеческое, сколь и смертоносное. Хмурый разум пуританина вновь обратился к заключениям метафизического свойства. Впрочем, его решимости они отнюдь не поколебали. Облаченный в несокрушимую броню веры, вооруженный незыблемым сознанием правоты дела, которое взялся отстаивать, Кейн готов был уверенно сойтись в поединке с какой угодно нечистью – хоть с духом, хоть с демоном.

И вновь его подстерегла неожиданность! Он по-прежнему ощупью продвигался вперед, когда прямо перед ним вспыхнула пара узких глаз, горевших желтым огнем. Глаза смотрели холодно и безо всякого выражения. Для человека они были близко посажены – и располагались слишком высоко, чтобы принадлежать четвероногому существу. Что еще за ужас взвился из темноты у него на пути?..

«Сатана!» – убежденно решил Кейн, рассматривая покачивавшиеся над ним глаза. А в следующий момент он уже яростно сражался за свою жизнь, ибо мрак вдруг обрел живую плоть и толстыми слизистыми кольцами сдавил его тело. Эти кольца оплели его правую руку, сделав ее бесполезной; другая рука силилась нащупать кинжал или пистолет, пальцы соскальзывали, натываясь на мерзкие кольца... шипение страшилища рождало эхо в стенах пещеры, звуча леденящим гимном смерти и ужаса...

В крошечном мраке, под шепот тысяч кожистых крыл, Кейн дрался за жизнь, точно крыса, угодившая в пасть к змее-мышелову. Он почувствовал, как проминаются ребра, как становится невозможно дышать... когда его левая рука все-таки сомкнулась на рукояти кинжала.

Последовал яростный рывок всем телом, и железная крепость вздувшихся мышц позволила Кейну частично высвободить левую руку. Не медля, он до рукояти погрузил острое лезвие в чешуйчатую, змеящуюся плоть, что обвивала и сдавливала его тело. Потом еще раз и еще. Мало-помалу трепещущие кольца стали ослабевать и наконец сползли к его ногам, оставшись лежать, словно витки чудовищного каната.

Хвост громадной змеи еще бился в судорогах, любой удар мог переломать кости, и Кейн поспешно шарахнулся прочь, судорожно вбирая в измученные легкие воздух. «Да, – сказал себе Соломон, – если мой соперник и не был самым сатаной, то, уж верно, доводился ему ближайшим земным сподвижником...» Оставалось лишь смиренно надеяться, что в ближайшее время его не призовут на бой с другим таким же исчадием преисподней, таящимся здесь в темноте...

Отдышавшись, Кейн двинулся дальше. Ему начало казаться, что путешествие сквозь пещерный мрак длилось уже целую вечность, и он даже задумался, есть ли вообще у этого хода конец, когда тьму впереди прорезали неверные отблески света. Сперва Кейну показалось, что свет мерцал где-то весьма далеко. Поспешно зашагал он в ту сторону, но уже через несколько шагов, к своему изумлению, уткнулся в глухую стену.

Тогда только он разглядел, откуда шел свет: тонкий луч проникал сквозь небольшую трещину в этой стене. Ощупав ее, англичанин убедился, что она была сложена совсем из дру-

гого материала, нежели стены и пол. Его пальцы явственно ощущали тесаные каменные блоки, соединенные чем-то вроде известки. Несомненно, работа человеческих рук!

Свет исходил из отверстия между двумя блоками, где выкрошился строительный раствор. Кейн продолжал ощупывать каменную кладку, и пробудившийся интерес его не был вызван одними лишь насущными нуждами. Перед ним явно было изделие древних зодчих, чьи способности далеко превосходили все то, что можно было ожидать от жившего здесь племени дикарей.

Кейна охватил трепет восторга, хорошо знакомый первооткрывателям и ученым. Вне всякого сомнения, он был первым и единственным белым человеком, которому довелось лицезреть это диво. По крайней мере единственным, кто увидел это и был еще жив. Ибо когда несколько месяцев назад он высадился на удрушающе влажном западном берегу и отправился в глубь материка, никто даже и намеком не упоминал при нем о чем-то подобном. Немногочисленные белые знатоки Африки, с которыми ему довелось беседовать, слыхом не слыхивали ни о какой Стране черепов – не говоря уже о демонице, ею управлявшей.

Кейн осторожно надавил на стену ладонями. Выяснилось, что минувшие века значительно ослабили древнюю кладку: стоило толкнуть посильнее – и она заметно подалась. Тогда Кейн ринулся в атаку, налегая всем телом, и его усилия были вознаграждены. Целый участок стены рухнул с оглушительным треском. Пуританин не удержался на ногах и свалился на кучу камней, извести и мусора, оказавшись в тускло освещенном коридоре.

Он немедленно вскочил, ожидая, что грохот привлечет внимание оравы полудиких копейщиков. Однако все было тихо. Очень тихо. Коридор же, в котором стоял Кейн, был вполне подобен узкому пещерному ходу, но только проложенному руками людей. Шириной он был всего несколько футов, зато потолок уходил на непомерную высоту. На полу лежал слой пыли, доходивший Кейну до щиколоток; было похоже, что вот уже много столетий сюда не заглядывала ни одна живая душа. А что касалось света, то оставалось только гадать, сквозь какие норы и трещины он сюда проникал, ибо никаких окон и дверей путешественник не заметил. Подумав еще немного, Кейн решил, что источником света служил... сам потолок. Если приглядеться, было заметно, что он неярко, но вполне отчетливо флуоресцировал.

Он двинулся вперед по этому странному коридору, без большого удовольствия ощущая себя таким серым призраком, крадущимся сквозь серое царство тлена и смерти. Величайшая древность всего окружающего угнетала его, навеявая невольные мысли о сиюминутной тщете и мимолетности не то что одной человеческой жизни – всего человечества. Оставалось лишь утешаться тем, что теперь-то он определенно находился не в аду, а у себя на земле: все же здесь был какой-никакой, но свет. На земле – но где именно? Об этом Кейн не мог составить скольконибудь путного представления. Жители джунглей и речных побережий предупреждали его, что он идет в страну чародейства и пугающих тайн. Невнятные слухи об ужасах, совершавшихся здесь, доходили до него ежедневно с того самого времени, когда он обратился спиной к Невольничьему Берегу и начал свое одинокое путешествие... Здесь могло произойти поистине все что угодно!

Время от времени его ушей касались невнятные отзвуки голосов, исходившие непосредственно из стены. Кейн поразмыслил над этим и пришел к выводу, что забрел в тайные переходы какого-то замка или, по крайней мере, большого строения. Те из туземцев, что отваживались говорить с ним о Негари, шепотом упоминали запретный каменный город, стоявший, по их словам, высоко на черных каменных хребтах заклятых гор.

«Что ж, – сказал себе Кейн, – очень может быть, что я и в самом деле попал именно туда, куда стремился. И стою сейчас как раз посреди тайного города ужаса...»

Остановившись, он выбрал первое попавшееся место на стене и кончиком кинжала начал отколупывать известку, расширяя щель между камнями. Спустя некоторое время опять послышался тот же таинственный шепот, только на сей раз громче, потому что работа у Кейна спо-

рилась. Потом кончик кинжала и вовсе прошел насквозь, проделав в стене дырочку. Соломон немедленно приник к ней глазом.

Взору его предстала странная, поистине фантастическая сцена!

Перед ним был обширный покой с каменными стенами и полом. Высоко вознесенную крышу поддерживали титанические колонны, украшенные странного вида резьбой. Вдоль стен рядами выстроились чернокожие воины в уборах из перьев. Двойная шеренга таких же воителей неподвижно стояла перед величественным тронном. Трон с обеих сторон охраняли каменные драконы, и каждый превосходил размерами живого слона.

Присмотревшись, Кейн разглядел знакомые лица: перед ним были те самые воины, с которыми он бился на краю пропасти. Но на них он взглянул лишь мельком. Взгляд его неудержимо привлекал к себе громадный, пышно разукрашенный трон. Там, небрежно откинувшись на подушки, возлежала женщина, казавшаяся миниатюрной на фоне тяжеловесной роскоши, окружавшей ее. Смуглокожая женщина, молодая и красивая какой-то тигриной красотой. Из одежды на ней был только пернатый шлем, браслеты на руках и ногах да юбочка из крашенных страусовых перьев. Разметавшись роскошным, сильным телом по шелковым подушкам, она, казалось, молча созерцала свое воинство.

Кейн смотрел на нее с некоторого расстояния, но даже издали смог различить, что черты ее лица были царственными, хотя и на варварский манер; высокомерными и властными были они, но в то же время и чувственными. И ощущалось в изгибе полных ярко-алых губ нечто говорившее о безжалостной жестокости этой женщины. Сердце Кейна забилося чаще прежнего. Возлежавшая на троне не могла быть не кем иным, кроме той, чьи бесчисленные преступления успели обрасти легендами. Накари Негарийская, демоническая царица города демонов, существо, чья безудержная страсть к человеческой крови заставляла содрогаться от ужаса полконтинента!

Кейна слегка удивило лишь то, что облик она имела вполне человеческий. Он ведь успел наслушаться сказаний речных племен, приписывавших ей, вероятно со страху, внешность сверхъестественную. Так что Кейн был больше готов к встрече самое малое с гнусным человекоподобным монстром из давно прошедшей эпохи.

Англичанин смотрел и смотрел, заворуженно и вместе с тем испытывая отвращение. Нигде, даже при дворах европейских владык, не встречал он подобного великолепия. И сам чертог, и все его украшения – начиная от каменных змеев, обвивавших основания колонн, и кончая едва различимыми драконами на укрытом мглой потолке, – все потрясало своими титаническими пропорциями. Пышность убранства тоже не укладывалась ни в какие привычные рамки и буквально подавляла рассудок с его жалкими мерками. Кейну даже пришло в голову, что подобный покой мог быть сотворен не людьми, а уж скорее богами, властвовавшими когда-то. Ибо в его стенах вполне уместилось бы большинство замков, виденных им в Европе!

Нет, недаром казались карликами рослые, могучие воины, заполнившие чертог. Не это племя выстроило на заре времен столь дивный и ужасный дворец!

Когда Кейн как следует осознал это, даже грозная царица Накари отчасти утратила в его глазах свою жуткую значительность. Эта женщина, вскарабкавшаяся на трон исполинов, в невообразимую роскошь чуждого мира, предстала в своем действительном виде. Капризное, испорченное дитя, затеявшее игру в притворяшки. Дитя, играющее бездельями, выброшенными взрослыми за ненужность. Подумав так, Кейн поневоле задался вопросом: кто же тогда были эти «взрослые»?

Скоро, впрочем, англичанину пришлось убедиться, что заигравшееся дитя ни во что не ставило людскую жизнь.

Вот из толпы своих братьев вышел высокий, мускулистый воин. Четырежды простерся он перед тронном, после чего замер на коленях, очевидно дожидаясь позволения говорить. При виде него с царицы живо слетела маска ленивого безразличия; она выпрямилась стре-

мительным гибким движением, живо напомнившим Кейну прыжок самки леопарда. Губы ее шевельнулись, и Кейн напряг слух, стараясь разобрать слова. Речь показалась очень похожей на хорошо известный ему язык речных племен.

– Говори!

– О Великая и Ужасная... – стоя на коленях, начал воитель, и Кейн признал в нем вождя стражей утесов, того самого, что первым обратился к нему на плато. – Да не испепелит пожар твоего гнева ничтожного подданного твоей милости...

Глаза молодой женщины хищно сузились:

– Знаешь ли ты, сын шакала, зачем сюда вызван?

– О Пламень Красоты! Чужестранец, назвавшийся Кейном, не принес с собой никаких даров для тебя...

– Никаких даров! – Слова вылетели подобно плевкам. – Да что за радость мне в этих дарах?

Вождь замялся: он наконец понял, что чужестранец по имени Кейн был почему-то небезразличен его госпоже.

– О Негарийская Газель, этот человек взобрался на скалы ночью, подобно убийце, и при нем был невиданный доселе кинжал в руку длиной. Камень, который мы сбросили, в него не попал. Тогда мы встретили его на плато и сопроводили к Небесному Мосту, где, согласно заведенному тобою обычаю, вознамерились с ним покончить. Ибо тебе, как ты сама однажды заметила, бесконечно наскучили все эти мужчины, являющиеся со сватовством...

– Глупец! – ощерилась она. – Глупец!..

– О Царица Красоты, твой негодный раб ничего не знал. Чужой человек сражался с отвагой горного леопарда. Он убил двоих и вместе со вторым рухнул в бездну, чтобы погибнуть там, о Звезда Негари...

– Да!.. – Голос царицы источал яд. – Это был первый настоящий мужчина из всех когда-либо приходивших в Негари. Он поистине мог бы... Встань, никчемный глупец!

Воин поднялся на ноги.

– О Несравненная Львица, но что, если этот человек пришел за...

Докончить фразу ему так и не пришлось. Он не успел даже толком выпрямиться, когда Накари сделала быстрый жест. Два воина разом покинули застывшие в молчании ряды. Два копья пронзили тело вождя, не успевшего обернуться. Булькающий поток крови вырвался у него изо рта, брызнул струей высоко вверх... и безжизненное тело рухнуло у подножия великолепного трона.

Ряды воинов даже не дрогнули. Кейн уловил только движение глаз, показавшихся ему неестественно красными, и то, как иные облизывали толстые губы. Накари, приподнявшаяся, когда ударили копья, вновь откинулась на подушки. На ее прекрасном лице было написано жестокое удовлетворение, а мерцающие глаза мрачно блестили.

Безразличный взмах руки – и мертвое тело, ухватив за ноги, поволокли прочь. Безжизненные руки скользили по полу, чертя по широкой полосе крови, остававшейся за ним на полу. Тут Кейн различил на гладком камне и другие сходные следы, иные – вовсе затертые, иные – почти совсем свежие. Сколько же неопикуемых по своей кровожадной жестокости сцен видели своими пустыми глазами каменные драконы, сторожившие трон?..

Теперь у него не было причин сомневаться в правдивости кошмарных историй, переданных ему речными племенами. Этот народ жил ужасом и насилием. Его лишило разума сознание собственной мощи. Люди превратились в лютых зверей, знающих одно: убивать! Странные искры таились в их черных зрачках – искры, способные разгораться адовым пламенем. Что там говорили жители речных берегов о горном племени, бесчисленные века наводившем на них трепет своими набегами? «Они не люди. Они – подручные смерти, ходящие меж людьми, и мы поклоняемся им...»

И все-таки Кейну, замершему у щелки в стене, не давала покоя все та же навязчивая мысль. КТО построил этот дворец? И почему люди, жившие в нем, выказывали столь явные признаки одержимости? Если он что-нибудь понимал, они никоим образом не могли быть причастны к высокой культуре, о которой свидетельствовала хотя бы резьба на каменных стенах. С другой стороны, если верить рассказам речных племен, иного народа здесь не было. Только тот, который и стоял сейчас перед ним.

...Англичанину потребовалось усилие воли, чтобы оторваться от заволакивающе жуткого зрелища. Он не мог позволить себе терять время попусту: доколе они считают его мертвым, ему легче будет обходить возможную стражу, ища то, за чем он сюда пришел. Повернувшись, он двинулся дальше по коридору. В каком направлении идти, особого значения не имело: все равно Кейну еще не явилось на ум никакого определенного плана действий. Коридор же отнюдь не блистал прямизной. Он извивался, сворачивая туда и сюда. Кейн понял, что его путь, видимо, повторял прихотливые извивы стен, и подивился про себя их циклопической толщине. Поначалу он все время ждал, что вот-вот натолкнется на какого-нибудь стражника или раба, но коридоры тянулись и тянулись вперед, и англичанин, глядя на ничем не нарушенный слой вековой пыли, уверился, что негарицы либо не знали о системе тайных ходов, либо по какой-то причине никогда ею не пользовались.

Шагая вперед, Соломон высматривал потайные двери и наконец обнаружил одну. Со стороны коридора она была заперта ржавым засовом, вставленным в отверстие камня. Повозившись, Кейн аккуратнейшим образом сдвинул засов, и дверь, заскрипев (как показалось Кейну, ужасающе громко), отошла внутрь. Путешественник осторожно выглянул... Никого! Он переступил порог и затворил за собой дверь. Стену в этом месте украшала фантастическая фреска; дверь встала на место, и найти ее, не зная, где именно она располагалась, сделалось невозможно. Определив, где с внешней стороны находилась потайная пружина, Кейн сделал кончиком кинжала маленькую пометку. Почем знать, не понадобится ли ему еще раз этот потайной лаз?..

Как оказалось, дверь вывела его в громаднейший зал. Потолок подпирали целый лес толстых колонн, живо напомнивших Кейну тронный чертог. Среди этих колонн он сперва показался сам себе ребенком, заплутавшим в лесной чаще. С другой стороны, вид колонн его до некоторой степени успокоил. С его-то умением скользить по джунглям, подобно лесному духу, он и в этом каменном лесу сможет укрыться от преследователей, как бы внимательны и ловки они ни были.

Подумав так, он двинулся дальше, идя буквально куда глаза глядят и вслушиваясь в каждый шорох. Один раз ему послышались невнятные голоса – Соломон мгновенно взлетел на резное основание колонны, прилип к нему и повис, между тем как прямо у него под ногами неспешно проследовали две женщины. Кроме них, он никого так и не встретил.

Жутковатое и странное это было ощущение: шагать по громадному залу, казалось бы не отмеченному никакими признаками человеческого присутствия, сознавая в то же время, что на другом конце его могут находиться целые толпы народа, укрытые от его глаз неподвижными рядами колонн!

Ему показалось, он целую вечность блуждал по этому лабиринту. Но вот впереди показалась массивная стена. Она то ли ограничивала зал, то ли разделяла его на части; Кейн пошел вдоль нее и наконец увидел проход, возле которого, как черные статуи, неподвижно стояли два копыеносца.

Потихоньку высунувшись из-за основания колонны, Кейн заметил два окна, расположенные высоко на стене, по обе стороны двери. Стену же здесь покрывала особенно замысловатая резьба, и в голове у Соломона созрел отчаянный план.

Он обещал себе непременно увидеть, что же располагалось там, за дверью. Ее охраняли; значит, по ту сторону находилась либо сокровищница, либо вход в подземелье. Что-то подсказывало ему, что конечная цель его путешествия таилась именно в подземелье.

Кейн отошел в сторону, чтобы не попасться на глаза стражам, и принялся карабкаться вверх по стене. Резьба, на его счастье, была глубокой и давала достаточно опоры рукам и ногам. Подъем оказался даже легче, чем он себе представлял. Поднявшись до высоты окон, Кейн по горизонтали двинулся вбок, в который раз чувствуя себя муравьем на отвесной стене.

Стражники, оставшиеся далеко внизу, так и не подняли голов. Кейн добрался до ближнего окна, перегнулся через край и посмотрел внутрь. Перед ним была обширная комната, полностью безлюдная, но зато обставленная с варварской чувственной роскошью. Каменного пола не было видно за шелковыми диванами и бархатными подушками, стены сплошь покрывали золототканые шпалеры. Потолок и тот был весь в золоте. Резким диссонансом выделялись многочисленные тяжеловесные изваяния из слоновой кости и железного дерева – изделия местных мастеров, вряд ли сумевших постигнуть странную культуру, оставившую им в наследство эти чертоги.

Наружная дверь была закрыта, а в противоположной стене виднелась еще одна дверь. Тоже закрытая.

Кейн спустился с подоконника, съехав вниз по краю длинной занавеси, как матросы на кораблях съезжают на палубу с мачт по канатам. Он пересек комнату, бесшумно ступая по пышным коврам, в которых тонула нога. Как и вся прочая обстановка, ковер показался ему ужасающе древним. Таким древним, что чуть только не распадался от старости.

У двери англичанин помедлил. Вот так прямо взять и войти в соседнюю комнату было весьма рискованным предприятием. Если, к примеру, она окажется битком набита воинами, путь к отступлению ему отрежут копейщики, стоящие у внешней двери...

Но Кейну было не привыкать даже к самому безумному риску. Он сжал в руке клинок и распахнул дверь стремительным и внезапным движением, призванным на миг ошеломить любого врага, окажись он там, за порогом. Столь же стремительно Кейн шагнул внутрь, готовый ко всему, в том числе и к немедленной гибели... и сам на секунду застыл, лишившись от изумления дара речи.

Он преодолел тысячи миль, преследуя вполне определенную ЦЕЛЬ. И вот свершилось. Его ЦЕЛЬ была прямехонько перед ним, только стоило протянуть руку.

Глава 3

Лилит

Посреди комнаты стояла обтянутая шелком кушетка, а на кушетке лежала юная белокожая девушка. Червонное золото ее волос рассыпалось по обнаженным плечам. Она так и взвилась при виде вошедшего, и чудесные серые глаза затопил ужас. Губы раскрылись, готовые испустить крик... но в последний момент девушка удержалась.

– Вы!... – ахнула она. – Но каким образом...

Соломон Кейн прикрыл за собой дверь и подошел к девушке. Улыбка появилась на его темном от загара лице.

– Значит, – сказал он, – еще не совсем позабыла меня, маленькая Мэрилин?

Ужас пропал с ее лица еще прежде, чем он заговорил с ней. На смену ему появилось немыслимое изумление. Мэрилин была не в силах поверить собственным глазам.

– Капитан Кейн!.. Возможно ли... я уже и надеяться перестала, что однажды кто-то придет...

Она провела узенькой ладошкой по лбу и неожиданно пошатнулась.

Кейн легко подхватил ее на руки – Мэрилин была совсем молоденькой девушкой-подростком, почти ребенком – и бережно уложил на кушетку. Осторожно растирая ее запястья, он заговорил быстро и тихо, беспрестанно косясь на дверь (каковая была, похоже, единственным проходом, соединявшим эту комнату с внешними помещениями). Кроме того, разговаривая, Кейн по давней привычке схватывал взглядом каждую деталь обстановки.

– Прежде всего, – начал он, – скажи мне, зорко ли тебя сторожат?

– Да, сэр, – безнадежным шепотом отвечала ему Мэрилин. – Как уж вы забрались сюда, одному Богу известно, но вот выйти нам ни за что не удастся...

– Дай я тебе кое-что расскажу, – усмехнулся Кейн. – Может, ты ощутишь хоть какую-то надежду, когда услышишь о трудностях, уже оставшихся позади. Полежи спокойно, Мэрилин, а я тебе поведаю, как случилось, что я прибыл в дьявольский город Негари разыскивать английскую наследницу...

Так вышло, что я убил сэра Джона Тэферела на дуэли. Что касается повода... не суть важно, скажу лишь, что за всем этим стояли злословие, клевета и черная ложь. Умирая, сэр Джон пожелал облегчить свою совесть и сознался, что много лет назад совершил гнусное преступление. Ты ведь помнишь, конечно, как любил и лелеял тебя твой кузен, старый лорд Хильдред Тэферел, дядя сэра Джона? Так вот, сэр Джон убоился, что старый лорд, умирая бездетным, возьмет да и завещает тебе все несметные богатства Тэферелов.

Несколько лет назад, когда ты бесследно исчезла, сэр Джон распустил слух, будто ты утонула. Но позже, отведав крепость моей рапиры, уже готовясь встретить смерть, он нашел в себе силы и признался, что похитил тебя и продал берберийскому пирату. Он назвал даже имя этого кровавого грабителя, небезызвестное на английских побережьях. Тогда-то я и отправился разыскивать тебя. Далеким и долгим оказалось мое странствие, измеренное тяжкими милями и горькими годами поиска и труда...

Я начал с того, что отправился в море, выслеживая Эль Гара, берберийского корсара, чье имя, умирая, шепнул мне сэр Джон. Я сошелся с ним в реве и грохоте морского сражения, и он умер, но перед смертью открыл мне, что перепродал тебя одному купцу из Стамбула. Я отправился на Восток, и там случай свел меня с греческим моряком, которого мавры распяли на берегу за пиратство. Я снял его с креста и задал ему тот же вопрос, который задавал каждому встречному: не попадалась ли ему в его странствиях пленница-англичанка, маленькая девочка с золотыми кудряшками. И что же? Тот моряк оказался членом команды стамбульского купеческого корабля. Он рассказал мне, что на обратном пути их корабль был взят и потоплен пор-

тугальским работником. Вероотступник-грек и английская девочка были в числе немногих, кого вытащили из воды и взяли на борт португальского корабля.

Торговцы рабами затем отправились на юг за очередным грузом живого товара – «черного дерева», как они называют невольников, – и на западном побережье Африканского континента, в маленькой бухточке, угодили в засаду. О дальнейшей твоей судьбе грек ничего не знал. В тот раз он чудом избежал всеобщей резни, спасся в море на маленькой лодочке и был подобран генуэзскими флибустьерами.

Что ж, я отправился на западный берег, ибо сохранялась пусть ничтожная, но вероятность, что ты все еще жива. Там я услышал от местных жителей, что несколько лет назад в заливе действительно был захвачен корабль, команда его – перерезана, а в качестве добычи взята белокожая девочка. По их словам, девочку отправили в глубь страны вместе с данью, которую приморские племена выплачивали вождям с речных верховий...

На этом, Мерилин, твой след оборвался. Месяц проходил за месяцем, а я не мог раздобыть не то что намека на твое нынешнее местонахождение – даже и простого свидетельства, что ты по-прежнему жива. Но вот однажды мне довелось услышать от жителей речных побережий о Негари, городе демонов, и о тамошней злодейке царице, которая якобы держит в рабах чужеземку... Вот так, маленькая моя, я и оказался здесь.

Все это Соломон Кейн рассказывал будничным тоном, очень коротко, без рисовки и художественных прикрас. Оставалось только гадать, сколько сражений на суше и на море стояло за этим немногословным повествованием. Сколько лет лишений и отчаянного, изнурительного труда, непрестанных опасностей и странствий по неведомым и зачастую враждебным краям. Какая бездна кропотливого, сводящего с ума поиска нужных сведений, каждую крупницу которых приходилось лаской и таской добывать у невежественных угрюмых пиратов и кровожадных туземцев!

– Вот так я и оказался здесь, – просто сказал Кейн, и эти слова заключали в себе целую вселенную железного мужества и отваги.

Долгий кровавый путь, багрово-черные тени, колеблющиеся в дьявольском танце, взблеск клинков, пороховой дым сражений... и драгоценные, считанные слова, истекавшие вместе с каплями крови из уст умирающих.

Соломон Кейн был более чем далек от каких-либо театральных эффектов. Он излагал свою повесть в той же самой манере, в какой, если так можно выразиться, ему довелось разыграть ее в жизни. Самые чудовищные препятствия, встававшие у него на пути, он преодолевал с точно таким же холодным упорством – и не удосуживаясь задуматься о собственном героизме.

– Видишь ли, Мерилин, – проговорил Кейн ласково, – я все это проделал и забрался бог знает куда вовсе не для того, чтобы теперь потерпеть поражение. Крепись, девочка. Мы непременно придумаем, как сбежать из этого проклятого места.

– Сэр Джон подхватил меня на седло... – медленно, словно во сне, проговорила девушка. Родной язык, на котором ей столько лет не приходилось говорить, ей самой казался странным и почти чужим. Запинаясь, рассказывала она о том, что произошло однажды вечером в Англии много лет тому назад. – Он увез меня на морской берег, где уже ждала лодка, спущенная с галеры. В ней сидели свирепые и страшные люди, смуглые, усатые, с ятаганами. Пальцы у них были сплошь унизаны перстнями. Их капитан, магометанин с ястребиным лицом, принял меня, плачущую от страха, у сэра Джона и увез к себе на галеру. И все же этот человек был по-своему добр ко мне, ведь я была тогда совсем еще ребенком. Впоследствии он продал меня турецкому купцу, и все было в точности так, как он рассказал вам, умирая. Того купца он встретил у южных берегов Франции, куда мы попали, проведя много дней в открытом море.

Мой новый хозяин не причинял мне зла, но как же я страшилась его! Я знала, как жесток был этот человек, и он сам сказал мне, что продаст меня черному мавританскому султану. Но

этому не суждено было случиться: у Столпов Геракла на его корабли напали работоторговцы из Кадиса, и все произошло так, как вам и рассказывали.

Главарь работоторговцев догадался, что я происхожу из очень зажиточной английской семьи, и надумал получить за меня выкуп. Увы! Он погиб темной и мрачной ночью в угрюмой бухте на берегу Африки, погиб со всеми своими людьми... кроме того грека, о котором вы упоминали. А я снова попала в плен, на сей раз – к вождю дикарей.

Я страшно боялась его, полагая, что он вот-вот расправится со мной. Но он даже пальцем не тронул меня. Он отправил меня в глубь страны вместе с вооруженным отрядом, который вез добычу, взятую на разграбленном корабле. Как вы знаете, эта добыча, в том числе и я, предназначалась могущественному царьку речных племен. Но до его деревни мы так и не добрались, ибо на воинов побережья напал разбойничий отряд негарийцев и всех перерезал. Тогда-то меня и привезли сюда, в этот город. С тех пор я и живу здесь в рабстве, прислуживая царице Накари...

Как только я пережила все эти ужасы, всю эту череду битв, жестокостей и убийств, совершавшихся на моих глазах? Как не лишилась рассудка? Не знаю сама!

– Рука Провидения хранила тебя, дитя, – сказал Соломон Кейн. – Рука Божья, хранящая слабых женщин и беззащитных детей. Что, как не Провидение, направляло меня к тебе, помогая преодолеть все препоны! Мыслимо ли, чтобы нам не удалось выбраться отсюда?.. Если будет на то воля Божья, конечно.

– А мои родственники? – словно очнувшись ото сна и прогнав страшные воспоминания, спросила девушка. – Как там моя семья?..

– Все живы, дитя, и дом их не оскудел. Лишь скорбь по тебе отравила им минувшие годы. Только старый лорд Хильдред страдает подагрой и оттого временами так богохульствует, что я поистине опасаясь за его душу. Но я уверен, маленькая моя, что вид твоего личика его сейчас же исцелит.

– И все-таки, капитан Кейн, – сказала девушка, – не пойму я, почему же вы пришли один.

– Твои братья с радостью отправились бы со мной, девочка, но не было никакой уверенности, что ты жива, а я не хотел, чтобы еще хоть один Тэферел умер в неведомой стране, вдали от нашей родной английской земли. Я избавил этот мир от злонравного Тэферела и решил, что я же и доставлю на его место другого Тэферела, доброго и благого. И разыщу его, вернее ее, в одиночку.

Объясняя подобным образом свои действия, Кейн и сам верил в то, что говорил. Он никогда не копался в себе, выясняя мотивы собственных поступков, а раз приняв решение, более не испытывал колебаний и намерений своих не менял. Оттого, привыкнув действовать по первому побуждению, он свято верил, что его поступками всегда движет трезвый и холодный расчет. Соломон Кейн был сыном своего времени. Он странным образом сочетал в себе рыцаря и пуританина, причем где-то в глубине его души жил к тому же еще и античный философ, не лишенный кое-каких языческих суеверий (хотя последнее утверждение, надобно полагать, повергло бы Кейна в неописуемый ужас). Пережиток эпохи, когда мужчинами управляла нерассуждающая честь, странствующий рыцарь, облаченный в строгие одежды фанатика пуританина, – вот что представлял собой Соломон Кейн. Людей вроде него гонит вперед духовная жажда, стремление своей рукою исправить все зло мира, защитить слабых, воздать по заслугам гонителям правды и справедливости. Непоседливый и беспокойный, как ветер, он был незыблемо постоянен в одном: в верности своим идеалам.

– Мерилин, – со всей нежностью проговорил этот человек, беря маленькие ручки девушки в свои, покрытые мозолями фехтовальщика. – Как же изменили тебя пролетевшие годы! Помнится мне, в те времена, когда в доброй старой Англии я качал тебя на коленях, ты была этаким пухленьким розовощеком малышом, сущим ангелочком. А теперь, смотрю, ты стала совсем худенькой и бледной... хотя и прекрасной, как те нимфы, о которых я читал в

языческих книжках. Я вижу в твоих глазах тень страха, дитя мое. Скажи, они плохо обращаются здесь с тобой?

Она съехала на кушетке, и кровь стала медленно отливать от ее и без того бледных щек, пока она не побелела как смерть. Кейн, удивленный и встревоженный, склонился над ней.

– Лучше не спрашивайте, – едва слышно прошептала она. – Есть деяния настолько страшные, что лучше им так и оставаться под покровом тайны, во мраке забвения. Есть зрелища, от которых слепнут глаза видевших и разум навсегда получает отметину, выжженную в сознании, словно клеймо. Стены древних городов, забытых человеческим родом, были свидетелями такого, о чем лучше вовсе не упоминать, даже шепотом...

Мерилин в изнеможении опустила ресницы. Помрачневший, обеспокоенный взгляд Кейна невольно отметил голубые линии вен, отчетливо различимых сквозь неестественно прозрачную кожу.

– Воистину, здесь какая-то дьявольщина, – пробормотал он хмуро. – Какая-то тайна...

– О да... – шепотом откликнулась девушка. – Тайна, от которой веяло древностью еще тогда, когда Египет был юн... Безымянное зло куда старше седого Вавилона... Зло, населявшее черные города ужаса еще на заре молодости мира...

Кейн сдвинул брови. При этих странных словах, произнесенных девушкой, он ощутил в потемках подсознания какой-то невнятный крадущийся страх. Словно бы пробудилась память поколений, дремавшая в его крови неслучайные века. Пробудилась, вызывая кошмарные видения, ускользающие, непонятные и бессвязные. Но от этого еще более страшные.

Мерилин вдруг резко вскинулась на кушетке, глаза широко распахнулись, округляясь от ужаса. Острый слух Кейна тоже уловил скрип двери, открывшейся неподалеку.

– Это Накари! – быстро зашептала девушка. – Поспешите же! Она не должна застать вас здесь! Спрячьтесь скорее... – Кейн обернулся, и она добавила: – И, умоляю вас, ни звука! Что бы ни случилось – молчите!...

Мерилин вновь опустилась на шелковые подушки и притворилась, что задремала, а Кейн стремительно пересек комнату и укрылся за длинными стенными занавесями: на его счастье, в стене обнаружилась ниша, в которой, вероятно, раньше стояла статуя.

Едва он успел спрятаться и замереть, как распахнулась единственная дверь комнаты и странная, варварского вида фигура встала на пороге.

Накари, царица Негари, пришла к своей невольнице.

На ней было то же одеяние, что и в тронном чертоге. Звеня цветными браслетами на руках и на ногах, она прикрыла за собой дверь и вошла в комнату. Двигалась же она с прирожденной гибкой грацией пантеры, и Кейн, наблюдавший за ней из укрытия, помимо собственной воли восхитился изяществом ее движений. Однако взгляд ее дышал таким живым и магнетическим злом, злом гораздо старшим, чем цивилизация, что Кейн содрогнулся от омерзения.

«Да это сама Лилит! – сказал он себе. – Она прекрасна, но она же и ужасает, словно Чистилище. Да, это Лилит – нечистая, но ослепительная женщина из древней легенды!»

Накари остановилась подле кушетки. Какое-то время она молча, сверху вниз смотрела на пленницу, после чего с загадочной улыбкой нагнулась и встряхнула ее за плечо. Мерилин открыла глаза, приподнялась... потом соскользнула с ложа и преклонила колени перед своей дикой владычицей. Кейн, глядя на это унижение, беззвучно, но яростно выругался за занавеской. Царица же, рассмеявшись, присела на кушетку и жестом велела девушке подняться с колен, а потом обняла ее за талию и... усадила себе на колени. Ошарашенный Кейн замер, наблюдая за тем, как лениво, явно забавляясь, ласкала она рабыню. Может, была тут и своего рода привязанность, но Кейну подумалось о сытой тигрице, играющей со своей жертвой. Он-то чувствовал в каждом движении Накари насмешку над беспомощной невольницей и тонкую, изысканную жестокость.

– Какая у тебя мягкая кожа, какая нежная плоть, маленькая Мара, – лениво мурлыкала Накари. – Другие мои служанки не идут с тобой ни в какое сравнение. Время близится, маленькая, грядет твоя брачная ночь. И, право же, еще не рождалось под черными звездами невесты прекрасней!

Мерилин задрожала так, что Кейн испугался: сейчас потеряет сознание. Глаза Накари странно поблескивали под полуопущенными веками в длинных ресницах, полные алые губы кривила тень сводящей с ума улыбки. Что бы она ни делала, во всем сквозило нечто злое. Кейн почувствовал, что обливается потом.

– Мара, – продолжала царица, – тебе оказана честь, которая и не снилась никакой другой девушке, а ты все чем-то недовольна. Подумай о том, как станут завидовать тебе все жительницы Негари, когда жрецы пропоют брачные гимны и из-за черного парапета Башни Смерти выглянет Луна черепов! Подумай, маленькая невеста повелителя, сколько девушек готовы жизнь отдать за то, чтобы назвать его женихом!

И Накари вновь рассмеялась, точно услышав хорошую шутку, – удивительно музыкальным, но в то же время и злоеющим смехом. И вдруг замолчала. Ее глаза обратились в узкие щелки и пристально обежали комнату, а все тело напряглось, подбираясь по-звериному. Рука метнулась к поясу и извлекла длинный, узкий кинжал. Кейн между тем держал ее на мушке своего пистолета, и палец его лежал на спусковом крючке. Только естественное для человека его склада нежелание стрелять в женщину удерживало англичанина от того, чтобы метнуть смерть в дикарское сердце Накари: он почти не сомневался, что царица варваров вознамерилась прирезать Мерилин.

Но та неуловимым кошачьим движением спихнула рабыню с колен и прыжком отлетела назад к двери, не спуская горящего взора с занавеси, за которой стоял Кейн. Неужели, подумалось ему, эти глаза пантеры сумели его высмотреть?.. Вскоре все прояснилось.

– Кто здесь? – крикнула она в ярости. – Кто прячется там, за шпалерой? Выходи! Я не вижу и не слышу тебя, но я знаю: здесь кто-то есть!

Кейн молчал и не двигался. И так, звериный инстинкт сообщил Накари о его присутствии в комнате. Как поступить?.. Он решил не спешить и сперва посмотреть, что предпримет царица.

– Мара! – Голос Накари прозвучал как удар хлыста. – Кто там, за занавесью? Живо отвечай, пока я снова не приказала тебя выпороть!

Но несчастная девушка, казалось, утратила дар речи. Она только сжалась в комок на полу, чудесные глаза наполнились ужасом. Но она не произнесла ни слова. Горящий взор Накари был по-прежнему устремлен в ту же точку. Свободной рукой она пошарила позади себя и ухватила шнур, свисавший со стены. Злобный рывок – и занавеси разошлись на две стороны. Тайное сделалось явным. Кейн стоял в своей нише, и больше его ничто не скрывало.

Несколько мгновений длилась эта немая сцена. Изможденный жилистый путешественник в заляпанной кровью, изодранной о камни одежде, с длинным пистолетом, сжатым в правой руке. Царица дикарей в варварски великолепном наряде, замершая у противоположной стены, одной рукой еще держа шнур, другой – смертоносный кинжал. И между ними – пленница, скорчившаяся на полу.

Кейн первым нарушил молчание, сказав:

– Не поднимай шума, Накари, не то умрешь.

У царицы, ошеломленной непредвиденным зрелищем, казалось, временно отнялся язык. Кейн покинул нишу и, неторопливо ступая, пошел к ней.

– Ты!.. – прошипела она, обретя наконец голос. – Ты, должно быть, тот самый человек, о котором рассказали мне стражи. Тем более что больше белых людей в Негари и нет. Но ведь ты, по их словам, упал вниз и разбился! Каким образом...

– Тихо! – Резкий приказ Кейна прервал ее невнятные излияния. Он знал, что Накари никогда не видела пистолета и не знает, что это такое, зато отлично чувствует смертоносную угрозу, исходящую от длинного клинка в его левой руке. – Мерилин, – он по инерции продолжал пользоваться диалектом речных племен, – возьми-ка шнуры от занавесей да свяжи эту...

Он был уже на середине комнаты. С лица Накари тем временем сошло первоначальное беспомощное изумление, горящие глаза замерцали обычным коварством. Она выпустила из ладони кинжал и уронила его на пол, словно бы признавая свое поражение, но потом вдруг стремительно вскинула руки и схватила еще какой-то шнур на стене. Кейн услышал отчаянный крик Мерилин, но не успел не то что спустить курок – даже и сообразить, что происходит. Пол вдруг ушел у него из-под ног, и он полетел вниз, в бездонную темноту. Глубина, впрочем, оказалась невелика, и Соломон благополучно приземлился на ноги. Силой толчка его бросило на колени, он ощутил чье-то присутствие подле себя в темноте... И в это время на его голову обрушился страшный удар, и непроглядный мрак беспамятства окутал его.

Глава 4

Мечта об империи

...Кейн медленно всплывал из темных глубин, в которые погрузила его дубинка неведомого злоумышленника. Что-то мешало ему свободно двигать руками; он попытался поднять их к голове, раскалывавшейся от пульсирующей боли, и услышал металлический лязг.

Он лежал в крошечной темноте, но не мог определить, была ли она вызвана отсутствием света или, может быть, последствиями сокрушительного удара. С грехом пополам он заставил повиноваться осязание и слух и выяснил, что лежит на каменном полу, холодном и влажном, и что на руках и на ногах у него железные цепи, грубо выкованные и покрытые ржавчиной.

Он не мог составить себе никакого представления о времени. Тишину нарушали лишь болезненные толчки крови в висках да шуршащая беготня и писк крыс. Но вот во тьме зародилось красноватое сияние. Оно росло, приближаясь, и наконец превратилось в факельное пламя. Рыжие отсветы огня заиграли на смуглом лице Накари, кривившемся в язвительной и жестокой улыбке. Кейн тряхнул головой, стараясь развеять наваждение. Но наваждение развеиваться не пожелало. Царица, с факелом в руках, стояла перед ним во плоти.

Теперь, когда свет дал ему возможность оглядеться, он увидел, что лежит в маленькой и донельзя сырой камере. Потолок, стены и пол в ней были каменными. Тяжелые цепи, удерживавшие его руки и ноги, были примкнуты к металлическим кольцам, надежно вделанным в стену. Единственная дверь была, судя по всему, отлита из бронзы.

Накари вставила факел в нишу возле двери и, подойдя, остановилась над пленником. Она принялась разглядывать его, но не то чтобы с насмешкой, а скорее что-то обдумывая.

– Значит, ты тот, кто сражался с моими воинами на утесах. – Это было утверждение, а не вопрос. – Они сказали, что ты упал в пропасть. Неужели они солгали мне? Чем ты подкупил их, чтобы заставить пойти на ложь? А если они сказали правду, то каким образом ты уцелел? Быть может, ты волшебник и сумел невредимым слететь на дно провала, а потом опять же по воздуху проникнуть ко мне во дворец? Отвечай!

Кейн не проронил ни звука, и Накари выругалась.

– Отвечай, не то я прикажу выколоть тебе глаза! Тебе отрубят пальцы и поднесут к пяткам огонь...

И она с размаху пнула его ногой. Кейн по-прежнему лежал неподвижно и молча, лишь мрачные, глубокие глаза сверлили ее лицо. Постепенно ее взгляд утратил звериный блеск, и на смену ему явилось недоумение, смешанное со жгучим любопытством.

Усевшись на каменную скамью, Накари поставила локти на колени и опустила на руки подбородок.

– Я никогда раньше не видела белых мужчин, – проговорила она. – Все ли они такие, как ты? Ха, навряд ли!.. Большинство мужчин – непроходимые дурни, как черные, так, наверное, и белые. Речные племена считают белых людей богами, но я утверждаю: они такие же люди, как мы. Да, это говорю я, знающая все древние таинства!.. Но мне известно и то, что у белых людей тоже есть свои странности и свои тайны. Мне рассказывали об этом речные бродяги. И Мара. У них, например, есть боевые жезлы, производящие звук, подобный грому, и убивающие на расстоянии. Та штука, которую ты держал в правой руке... был ли это один из ваших магических жезлов?

Кейн позволил себе мрачную улыбку:

– Накари, знающая все древние таинства... Могу ли я надеяться сообщить тебе нечто неведомое твоей премудрости?

– Какие у тебя глаза, – не обратив никакого внимания на его язвительные слова, продолжала царица. – Станные... глубокие и холодные! И облик, и осанка... да, держись ты

поистине царственно. И ты меня не боишься. Все мужчины, которых я прежде встречала, либо были влюблены в меня, либо боялись. Ты никогда не испытаеть передо мной страха. Но и не влюбишься. Смотри же на меня, смотри пристальнее, смельчак! Или я не прекрасна?

– Ты прекрасна, – согласился Кейн.

Накари улыбнулась, но тут же нахмурилась:

– Ты произнес это не так, как положено произносить похвалу. Ты ненавидишь меня, правда ведь?

Кейн отвечал со всей откровенностью:

– Ненавижу, как только человек может ненавидеть змею.

В глазах Накари запылала ярость сродни сумасшествию. Она так сжала кулаки, что длинные ногти впились в ладони. Но вспышка гнева угасла столь же быстро, сколь и разгорелась.

– И смелость у тебя царская, – спокойно сказала она. – Иначе ты ползал бы передо мною на брюхе. Скажи, ты, наверное, правитель своей страны?

Соломон ответил:

– Я всего лишь безземельный бродяга.

– А можешь, – медленно выговорила Накари, – стать властелином здесь, в этой стране...

Кейн угрюмо расхохотался:

– Ты что, предлагаешь мне жизнь?..

– И не только!

Глаза англичанина сузились – царица склонилась над ним, дрожа всем телом от сдерживаемого возбуждения:

– Скажи, Кейн, чего бы ты хотел больше всего на свете?

– Уйти отсюда и забрать с собой белую девушку, которую ты зовешь Марой.

Накари резко отшатнулась, издав нетерпеливое восклицание.

– Ее ты не получишь, – сказала она. – Мара – нареченная невеста Повелителя. Я и то не смогла бы ее спасти... даже если бы захотела. Так что лучше забудь о ней. О, я помогу тебе забыть о ней! Слушай, слушай же речи Накари, царицы Негарийской! Ты говоришь, что безземелен, но я сделаю тебя царем! Весь мир станет твоей игрушкой, лишь пожелай!.. Нет-нет, молчи и выслушай не перебивая! – заторопилась она, желая высказать ему сразу все. Слова ринулись наружу не всегда внятным потоком. Глаза ее сверкали, ей не сиделось на месте. – Я много беседовала с путешественниками, пленниками и рабами, привезенными из чужеземных земель. Я знаю, что кроме этой страны горных хребтов, джунглей и рек есть на свете и иные края. Есть дивные города и народы, живущие далеко-далеко. А также цари и царицы, которых следует завоевать и втоптать в прах.

Близок закат Негари, мощь ее близится к упадку, но сильный мужчина, вставший рядом с царицей, еще мог бы раздуть гаснущие угли и вернуть прежнюю славу. Слушай же, Кейн! Воссядь подле меня на троне Негари! Сделай так, чтобы из твоей страны, лежащей на другом конце света, привезли громовые жезлы, и мы вооружим ими мое воинство. Ибо мой народ все еще повелевает срединными землями Африки. Вместе мы сумеем объединить покоренные племена и вернуть время, когда древняя держава Негари простиралась от океана до океана! Мы подчиним себе все племена речных и морских побережий, а потом и саванн. Но мы не будем уничтожать их, о нет! Из них мы составим одно могучее войско! И вот когда вся Африка окажется у нас под пятой, мы рванемся во внешний мир, словно голодный лев, который терзает, рвет и заглатывает добычу!

Соломон ощутил, как поколебался его разум. Возможно, во всем была виновата магия личности этой грозной и таинственной женщины, та яростная, огнедышащая сила, которая звучала в каждом ее слове... Так или иначе, но был миг, когда весь этот безумный, невероятный план показался ему совсем не таким уж безумным и невероятным. Калейдоскоп фантастических видений промелькнул в сознании пуританина. Европа, раздираемая гражданскими

и религиозными войнами. Европа, расколотая на враждующие лагеря, направо и налево продаваемая своими вождями, Европа, кажется, готовая рухнуть в обломках... Как бы она действительно не пала легкой добычей какой-нибудь новой, дикой, полной необузданных сил расы завоевателей... Да и какой мужчина может похвастаться, что где-то в дальнем уголке его души не дремлет под спудом жажда завоеваний и власти?..

...И был миг, когда враг рода человеческого подверг Соломона Кейна жестокому истязанию. Но перед мысленным оком пуританина сейчас же всплыло печальное, полное тоски личико Мерилин Тэферел, и Соломон с чувством выругался:

– Прочь отсюда, дочь сатаны! Изыди!.. Я что тебе, зверь лесной, чтобы вести твоих черных дьяволов против моего собственного народа? Да что там, даже и зверь на такое никогда не пойдет! Изыди, говорю тебе! Хочешь моей дружбы, так освободи меня и отпусти со мной бедную девочку...

Накари взвилась на ноги, точно дикая кошка. В глазах ее пылала животная ярость. Выхватив кинжал, она занесла его над сердцем Соломона Кейна, издавая кошачий вопль ненависти... Какое-то время кинжал трепетал над ним, готовый вонзиться... Но потом Накари опустила руку и засмеялась.

– Освободить?.. О, она обретет свободу, когда Луна черепов, скалясь в улыбке, склонится над черным алтарем. Что же до тебя – ты сгниешь здесь, в этом подвале. Ты безмозглый глупец, Кейн! Величайшая царица Африки посулила тебе свою любовь и предложила править вместе с нею всем миром, но ты ее оттолкнул, осыпав оскорбительной бранью! Уж не влюблен ли ты в маленькую рабыню, а? Так знай же: до прихода Луны черепов она по-прежнему принадлежит мне. И вот что я тебе скажу, чтобы ты не скучал тут в одиночестве. Я стану наказывать ее так, как наказывала и прежде! Я подвешивала ее за руки нагую и хлестала кнутом, пока она не лишалась сознания!

Кейн яростно рванулся в кандалах, и Накари расхохоталась, глядя на его муки. Подойдя к двери, она отворила ее и собралась уходить, но на самом пороге помедлила и добавила, обернувшись:

– Да, мой смельчак, место здесь мерзкое. Можешь ненавидеть меня еще сильнее за то, что я тебя сюда водворила. Быть может, оказавшись в прекрасном тронном чертоге Накари и узрев его роскошь и великолепие, ты переменишь свое мнение и о его хозяйке. Весьма скоро я пришлю за тобой, но до тех пор побудь здесь и поразмысли. Помни! Полюбишь Накари – и весь мир станет твоей державой; отринешь ее – и до конца дней своих не увидишь ничего, кроме этих стен!

Мрачно лязгнула, закрываясь за нею, тяжелая бронзовая дверь. Но куда больнее ранил слух плененного англичанина серебристый, полный яда смех удалявшейся Накари.

Время в глухом подземелье тянулось мучительно медленно. Кейну показалось, что прошли целые годы, прежде чем раскрылась дверь и появился здоровенный воин, принесший еду и жиденькое вино. Кейн с жадностью набросился на пищу, а потом заснул. Труды последних дней совсем измотали его как физически, так и духовно. Сон его был глубок, проснувшись же, он почувствовал себя вполне отдохнувшим и свежим.

Вновь отворилась дверь, и вошли двое громадных воинов-дикарей. Они принесли с собой факелы, и при свете их Кейн разглядел, что воины были сущими великанами, облаченными в набедренные повязки и головные уборы из страусовых перьев. Каждый держал в руке боевое копьё.

– Накари велит привести тебя к ней, белый человек, – вот и все, что они сказали ему, снимая оковы. Он поднялся на ноги, наслаждаясь пусть краткой, но все же свободой. Острый ум его уже всюду трудился, изобретая планы спасения.

По-видимому, слухи о его боевом искусстве успели распространиться, ибо воины, обращаясь с ним, бдительности не теряли. Они жестом предложили ему идти впереди, а сами настоженно двинулись сзади, и он ощущал спиной отточенные острия их копий. Их было двое против него одного, притом безоружного, но рисковать они не желали. А во взглядах, которые они на него бросали, мешались благоговение и подозрительность.

Они долго шли по нескончаемому темному коридору, причем стражи указывали ему направление, легонько покалывая копьями. Достигнув винтовой лестницы, они поднялись по ступенькам, вновь прошли по коридору, преодолели еще одну лестницу и вышли в тот самый заставленный колоссальными колоннами зал, в который первоначально и попал Кейн, когда только выбрался из тайного хода. Воины повели Соломона через зал, держась недалеко от стены, и тут-то на глаза ему попала странная, фантастическая фреска. Та самая! Кейн сразу узнал ее, и сердце заколотилось у горла. До нее еще оставалось какое-то расстояние, и Кейн начал дюйм за дюймом забирать в ту сторону, пока и он, и стражники не оказались у самой стены. Поравнявшись с фреской, Кейн нашел глазами пометку, сделанную острием кинжала...

Невозможно передать изумление стражей, когда их пленник вдруг ахнул, словно человек, которого ударили в сердце копьем. Пошатнувшись, он зашарил в воздухе в поисках опоры...

С сомнением переглянувшись, они разом кольнули его копьями, но Кейн вскрикнул, подобно умирающему, и сполз на пол, оставшись лежать в странной, неестественной позе, подвернув под себя одну ногу и кое-как опираясь на руку.

Воины устали на него с очевидным испугом. Судя по всему, он умирал, но никакой раны на нем не было видно. Они угрожающе замахнулись копьями... он даже не пошевелился. Тогда они опустили свое оружие, и один из них нагнулся над ним.

Вот тогда-то все и случилось. Стоило воину наклониться, и Кейн взвился навстречу, словно внезапно спущенная стальная пружина. Его правый кулак взлетел от бедра, со свистом описав полукруг, и с треском врезался воину в челюсть. Удар, в который была вложена вся сила руки и плеча, весь рывок мускулистого тела и крепких ног, оказался сокрушительным. Стражник бесформенной кучей обрушился на пол, потеряв сознание еще прежде, чем у него подогнулись колени.

Второй с ревом ринулся вперед, нацеливая копье. Но еще в то время, как первая жертва Кейна падала на пол, англичанин успел шарахнуться в сторону. Его судорожно вытянутая рука направила потайную пружину и нажала.

Дальнейшее произошло в доли секунды. Как ни быстр был дикарь, Кейн оказался проворней. В движениях его была стремительность изголодавшегося волка. Падающее тело на мгновение задержало его противника, и тут Кейн почувствовал, как подалась тайная дверь. Он успел заметить боковым зрением стальной отблеск длинного наконечника, летевшего ему в грудь. Он извернулся всем телом и навалился на дверь, исчезнув на глазах у изумленного стража, чье копье лишь разорвало кожу на его плече.

С точки зрения воина, замахнувшегося для второго удара, все это выглядело так, словно пленник попросту просочился сквозь толстую каменную стену. Перед ним не было ничего, кроме фантастической фрески, которая, естественно, и не подумала расступаться перед ним, как перед Кейном.

Глава 5

«Вот уже целую тысячу лет...»

Захлопнув за собой тайную дверь, Кейн поспешно задвинул засов и, прижимаясь к двери, замер, напрягая все мышцы и готовясь удерживать ее, противостоя целому отряду копейщиков... Но его опасения не сбылись. Он слышал, как возился снаружи уцелевший охранник, пытавшийся что-то предпринять; потом и этот звук прекратился. Неужели возможно, не в первый раз подумал Кейн, чтобы эти люди столько времени прожили в своем замке, не имея никакого понятия о скрытых дверях и системе тайных ходов?... Однако именно такой вывод напрашивался сам собой...

Решив наконец, что в ближайшее время погоня ему навряд ли грозила, Кейн отвернулся от двери и пошел по коридору, вернувшись таким образом в уже знакомое ему царство тысячелетней пыли и мутного сероватого света. Итак, он благополучно избавился от кандалов, в которые заковала его Накари, но сердце его переполняло ярость и сознание неудачи. Сколько времени пробыл он во дворце? Ему казалось – века. И похоже, во внешнем мире был день. С тех пор как он вместе со стражниками покинул мрачные подземелья, ему не попалось ни одного факела. И тем не менее снаружи в залах было светло.

Потом он задумался о том, что Накари, может быть, действительно сорвала злобу на беззащитной девчушке, и с остервенением выругался. Ну и что с того, что на данный момент он был свободен. Он был безоружен, и его гоняли, как крысу, по этому богом проклятому дворцу. Что, спрашивается, мог он сделать для себя или для Мерилин?.. И все-таки уверенность Соломона Кейна оставалась незыблемой. Он стоял за правое дело. А значит, уж какая-нибудь возможность ему да представится.

Завидев впереди узкую лесенку, ответвлявшуюся от главного коридора, он устремился по ней и поднимался все выше и выше, радуясь усилению света, пока наконец впереди во всей своей славе не засияло африканское солнце. Лестница оканчивалась маленькой площадкой, снабженной крохотным, надежно зарешеченным окошком. Сквозь окошко виднелась небесная лазурь, щедро позолоченная солнечным светом. Небо и прохладный ветер опьянили Кейна, словно вино; он всей грудью вбирал свежий, ничем не оскверненный воздух, словно желая очистить свои легкие от пыли веков и гнивающей роскоши, среди которой ему довелось побывать.

Перед ним расстился удивительный, непривычный вид. Сколько было видно влево и вправо, повсюду вздымались громадные черные кряжи, а у их подножия теснились дворцы и каменные замки, поражавшие своей нечеловеческой архитектурой. Впечатление было такое, как если бы гиганты, явившиеся с иной планеты, породили эти арки и башни на хмельном и безумном пиру творения. Все здания, впрочем, льнули к утесам, окружавшим долину, и Кейн понял, что и дворец Накари был встроен в скальную стену, высившуюся позади. А сам он находился в своего рода минарете, возвышавшемся на внешней стене. Увы, здесь было лишь одно окошко, и всей панорамы обозреть не удалось.

Далеко внизу на извилистых и узких улицах странного города кишели толпы людей, казавшихся сверху черными муравьями. Еще Кейн видел, что почти повсюду – на востоке, на севере и на юге – громоздились скалы, образуя естественные бастионы; лишь на западе виднелась рукотворная стена.

Солнце уже клонилось к закату. Кейн с сожалением оторвался от окошка и устремился обратно вниз по ступенькам.

...И вновь он шагал угрюмыми серыми коридорами, без цели, без какого-либо плана дальнейших действий. Сколько он так прошел? Не иначе мили и мили. При этом он спускался все ниже – проходы, похоже, располагались один над другим. Свет постепенно меркнул, на

стенах начала появляться черная слизь. Здесь Кейн остановился, привлеченный едва различимым звуком из-за стены. Что такое? Это было слабое, далекое звяканье. И лязгать так могли только цепи.

Кейн прильнул вплотную к стене, и в полутьме его рука нащупала заржавленную пружину. Он осторожно повожился с ней и вскоре почувствовал, как отходит внутрь потайная дверь, о присутствии которой он догадался, заметив пружину. Кейн просунул голову за порог...

Перед ним была тюремная камера – родная сестра той, в которой он сам недавно был заключен. В стенной нише дымно тлел факел, и в его неверном, мерцающем свете Кейн разглядел на полу человека, прикованного за руки и за ноги наподобие того, как недавно был прикован он сам.

Соломон решил было, что напоролся на туземца, тем более что мужчина был темнокож; но нет, у незнакомца было точеное, с тонкими чертами лицо, непреклонные, полные жизни глаза, высокий, поистине величественный лоб и прямые темные волосы.

Человек заговорил первым, заговорил на неведомом Кейну языке, звучавшем удивительно мелодично и чисто, в отличие от гортанного говора известных англичанину племен. Англичанин попробовал ответить ему по-английски; потом употребил язык речных племен. И незнакомец наконец его понял.

– Ты, вошедший в древнюю дверь, – проговорил он на том же наречии. – Кто ты? Ты не дикарь, и я посчитал было тебя за одного из Древних, но теперь вижу, что ты не из их числа. Откуда ты родом?

– Меня зовут Соломон Кейн, и я такой же, как ты, пленник этого сатанинского города, – ответил ему пуританин. – Пришел же я издалека, из-за соленого синего моря.

При этом последнем слове глаза прикованного заблестели.

– Море!.. Древнее, вечное море!.. Море, которого я никогда не видал и которое качало славную колыбель моих предков! Скорее скажи мне, о незнакомец, пересек ли ты, как они, сверкающую грудь голубого чудовища, ласкали ли твой взор золотые шпильки Атлантиды и малиновые стены Му?

– По совести говоря, – проговорил Кейн неуверенно, – я куда только не плавал, даже в Индостан и Китай! Но о странах, которые ты мне назвал, не имею, увы, никакого понятия.

– Ах, мечты!.. – вздохнул его собеседник. – Бесплотные мечты! Тень великой ночи уже окутывает и смущает мой разум. Знай, незнакомец, бывало, что эти холодные стены и пол растворялись передо мной, становясь зелеными колышущимися пучинами, и глубинный гул вечного моря наполнял мою душу – душу человека, никогда не видевшего моря!

Кейн внутренне содрогнулся. Уж верно, бедняга тронулся умом. Но тот вдруг поднял когтистую истощенную руку и крепко, несмотря на мешающую цепь, ухватил его за плечо.

– О ты, чья кожа так странно бледна! Видел ли ты Накари, проклятую демоницу, правящую этим рассыпающимся городом?

– Видел, – мрачно отозвался Кейн. – И теперь, точно загнанная крыса, удираю от ее головорезов.

– Ага! Так ты тоже ненавидишь ее! – вскричал узник. – Я знаю, знаю! Уж не желаешь ли ты освободить Мару, ту маленькую белокожую рабыню?

– Да, – сказал Кейн.

– Слушай же, – с непонятной торжественностью начал закованный. – Я умираю. Дыба, на которую вздергивала меня Накари, сделала свое дело. Я умираю, и вместе со мною уходит тень славы, сопутствовавшей моему народу. Ибо я – последний. Во всем мире нет другого, подобного мне. Слушай же, слушай последний живой голос расы, которой больше не будет...

И Соломон Кейн, стоя на коленях в неверной полутьме подземного застенка, внимал самой невероятной повести из всех касавшихся когда-либо человеческого уха, и повесть эта, произносимая едва ли не в предсмертном бреду, рассказывала об эпохах туманного рассвета

рода людского. Речь умирающего оставалась ясной и четкой, и Кейна бросало то в жар, то в холод при мысли о безднах времени и пространства, которые приоткрывались ему.

– Много веков тому назад – да, тьма столетий промелькнула с тех пор! – мой народ гордо и безраздельно властвовал над морем. Так давно это было, что ни у одного из нынешних людей не найдется даже отдаленного предка, который помнил бы те времена. Далеко на западе лежала дивная страна, и могучие города служили ей украшением. Золотые шпильки мерцали меж звезд, пурпурногрудые галеры бороздили волны морские по всему миру, ища сокровищ и на пламенеющем западе, и на огнецветном востоке.

Поступь наших легионов звучала на севере и на юге, на западе и на востоке. Никто не мог устоять перед их натиском. Стены наших городов опоясали мир; наши колонии множились по всем странам и континентам, приводя к покорности всевозможных дикарей, туземцев самого разного цвета кожи, и всех обращая в рабство. Они трудились на нас в рудных копях и на веслах галер. Так властвовал миром народ блещущей Атлантиды. Мы были морским народом, и океанские глубины от века привлекали наш взор. Нам были подвластны все таинства, все секреты моря и неба. Мы читали звездную книгу небес и постигали ее премудрость. Но мы оставались детьми Океана, и он был первым среди богов, которых мы чтили.

Мы воздавали почести также Валке и Хоту, Хонану и Голгору. Множество юных девственниц, множество крепких телом юношей умерло на их алтарях, и бывало так, что дым бесчисленных жертвенников затмевал даже солнце... Но настал день, когда Океан пробудился и грозно встряхнул седой пенистой гривой. Гром раздался из его бездонных глубин, и троны царей земли рухнули пред его гневом. Со дна морского поднялась новая суша, Атлантиду же и континент Му поглотил потоп. Зеленые морские волны с ревом ворвались в залы дворцов и храмов, и золотые купола топазовых башен обросли скользкими водорослями. Империя атлантов исчезла с лица земли и из памяти человечества, сокрывшись во мраке забвения. Постепенно вымерли и колонии, утратившие свою столицу. Порабощенные варвары поднялись против них и разрушали и жгли до тех пор, пока в целом мире не остался единственный город, последнее напоминание о былом величии и былой славе. Это была колония Негари.

Здесь, в Негари, все еще по-царски властвовали мои предки, а пращуры Накари – о, эта хищная кошка! – рабски ползали перед ними на коленях. Но минули годы, пронеслись века... Империя Негари испытала упадок. Племя за племенем отпадало от нее, сбрасывая узы рабства, отодвигая наши границы все дальше и дальше от моря, пока наконец сыны Атлантиды не отступили на конечный рубеж и не затворились в самом городе, последнем прибежище своей расы. Былые завоеватели, ныне превратившиеся в осажденных, они тем не менее целую тысячу лет сдерживали натиск свирепых племен. Негари оставалась неприступной извне, ибо крепки и нерушимы были ее стены; внутри, однако, распространился погибельный тлен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.